

КОНСТРУКТОР ЛИЧНОСТИ

АНДРЕЙ СЕВЕРСКИЙ

Андрей Северский

Конструктор личности

«Автор»

2026

Северский А.

Конструктор личности / А. Северский — «Автор», 2026

После катастрофы «Разрыв тождеств» город Веретено выживает благодаря временным личностям — специализированным версиям людей, созданным для опасных миссий. Инженер Артём Вей умеет собирать их лучше многих, но одна из его версий совершает самостоятельный выбор и задаёт вопрос, на который система не рассчитана: кто имеет право её завершить? Расследование приводит Артёма к тайному архиву, долгу памяти носителей и аварии городского Ядра. Чтобы спасти Веретено, ему предлагают идеальное решение — управляющую личность ценой чужой способности вернуться к себе. Артёму предстоит решить, можно ли считать созданное сознание инструментом, если оно уже способно отказаться. «Конструктор личности» — напряжённая научно-фантастическая история о прозрачных правилах прогресса, цене эффективности и свободе, которая начинается там, где заканчивается власть создателя.

© Северский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Личность на сорок минут	6
Глава 2. Бюджет связности	13
Глава 3. Носитель не контейнер	20
Глава 4. Три несовместимых добродетели	32
Глава 5. Шов высоты	39
Глава 6. Цена самостоятельного выбора	50
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Андрей Северский

Конструктор личности

От автора

Мы привыкли говорить о характере как о чём-то цельном: человек смелый или осторожный, мягкий или жёсткий, верный себе или сломленный обстоятельствами. В жизни всё сложнее. Один и тот же человек способен спокойно работать под давлением и теряться в обычном разговоре; защищать чужого и предавать собственные границы; принимать точные решения утром и ошибаться вечером. Личность проявляется не набором красивых качеств, а тем, как они спорят друг с другом в конкретной ситуации.

«Конструктор личности» превращает этот спор в ремесло. В городе Веретено инженеры собирают временные личности для миссий, где привычное восприятие не выдерживает среды. У каждой сборки есть измеримый бюджет связности, нагрузка противоречий, срок распада и долг памяти. Цифры здесь нужны не для того, чтобы заменить человека таблицей. Они показывают цену: сколько несовместимых требований можно удержать вместе, что останется у носителя после завершения и кто отвечает за решение, принятое созданной версией.

Эта книга построена как история профессиональных задач. Каждая миссия требует конкретной конфигурации внимания, страха, доверия и воли. Удачная сборка даёт видимый результат, неудачная оставляет последствия, а исправление одной ошибки открывает следующую границу метода. Прогресс героя выражается не только в новых возможностях. Чем точнее он умеет проектировать, тем меньше у него оснований считать результат своей собственностью.

В основе романа лежит простой неудобный вопрос. Если личность создана на сорок минут и знает срок своего существования, становится ли её страх менее настоящим? Можно ли заранее назвать выбор функцией, а отказ — неисправностью? И кто имеет право завершить временную версию: заказчик, инженер, носитель или она сама?

Готовых ответов у системы нет. Интерфейс способен посчитать нагрузку, но не решает, что справедливо. Протокол снижает риск, но не снимает ответственности. Даже согласие перестаёт быть удобной галочкой, когда условия меняются внутри миссии. Поэтому важнейшие победы здесь происходят не в тот момент, когда герой создаёт идеальную конфигурацию, а когда участники называют пределы, сохраняют журнал ошибки и оставляют друг другу право остановиться.

Роман не требует знакомства с игровыми системами или техническими терминами. Все правила вводятся через действие и остаются одинаковыми для героев и читателя. Если параметр однажды назван опасным, он не превращается в бесплатный бонус ради эффектной сцены. Если решение имеет цену, она не исчезает после завершения задания. За числами всегда остаются память, тело и тот, кому придётся жить с результатом.

Это первая история цикла «Временные версии», но её центральный конфликт завершён внутри одной книги. Перед вами путь от сборки по чужому заданию к практике, в которой создание не означает владение. И, возможно, напоминание о мире без интерфейсов: компетентность делает нас ответственнее за выбор, но не даёт права выбирать за всех.

Глава 1. Личность на сорок минут

Когда у человека отзывали лицензию конструктора, Рама переставала узнавать его раньше, чем коллеги.

Артём Вей приложил ладонь к матовому стеклу. Под кожей пробежал холодный свет, сверил рисунок сосудов и погас. Ни имени, ни привычного меню — только красная строка:

> ДОПУСК ОТОЗВАН. РЕЖИМ НАБЛЮДАТЕЛЯ.

Он не убрал руку.

— Если давить дольше, она не передумает, — сказал Тихон Рей из-за контрольной стойки.

— Проверяю, не появилось ли у неё чувство вины.

— Чувство вины не входит в сертифицированные функции Рамы. Протокол одиннадцать дробь четыре.

— Поэтому вы с ней так ладите.

Тихон не улыбнулся. Он вообще экономил выражение лица, словно за каждое движение бровей потом требовалось заполнять журнал. На его сером воротнике светился знак Совета Контуров — разомкнутое кольцо с тремя контрольными точками. Артём прежде носил такой же, только медный, мастерский. Теперь на куртке осталась более тёмная полоска ткани.

За прозрачной стеной сборочной лежала женщина в спасательном костюме. Шлем был снят, короткие волосы прилипли ко лбу. На висках крепились два белых ввода, похожие на обломанные дужки очков. Лада Сенн смотрела в потолок и мерно стучала указательным пальцем по краю ложемента: четыре коротких удара, пауза, ещё четыре.

В соседнем окне дрожал прямой канал из Шва тишины. Камера висела над узкой галереей, которая уходила вниз, хотя по чертежам должна была огибать башню на одном уровне. На стене галереи стояли шестеро ремонтников. Один сидел, прижав обе ладони к маске. Остальные не двигались. Над ними текли строки телеметрии, но звука не было даже в диспетчерской: Шов вырезал не колебания воздуха, а способность распознавать намерение в услышанном. Человек мог разобрать слова и всё равно принять просьбу приблизиться за угрозу.

До схлопывания защитного кармана оставалось пятьдесят три минуты.

— Вы обещали мне доступ, — сказал Артём.

— Я обещал режим наблюдателя, — ответил Тихон. — Вы наблюдаете.

— Тогда зачем подключили носителя?

Дверь открылась прежде, чем аудитор успел процитировать ещё один протокол. Ирина Краст вошла без сопровождения, положила на стойку тонкую пластину временного допуска и взглянула на красную строку. Рама сменила её на янтарную:

> ОДНОРАЗОВАЯ СБОРКА. ПРАВО ПОДПИСИ: КОНТУРНЫЙ СОВЕТ. 00:48:16.

— Затем, что штатный конструктор не вернулся из Шва, — сказала Ирина. — А его резервная сборка заставила одного ремонтника сломать себе два пальца, чтобы не подчиниться команде.

Говорила она негромко. В диспетчерской и без того никто не повышал голос: слишком близко находилась стена, за которой слова становились оружием.

Артём посмотрел на Ладу.

— Она видела журнал отказа?

— Носитель ознакомлен с риском, — сказала Ирина.

— Это не ответ.

Лада перестала стучать.

— Видела. Сборка требовала прямого доверия к каждой услышанной фразе. В Шве это превратилось в подчинение. Я такую не возьму.

Её голос через стекло звучал плоско, но слова были отмерены точно: факт, граница, решение.

— Правильно, — сказал Артём.

— Мне не нужна оценка. Нужен переговорщик. Внизу шесть человек, карман держится меньше часа.

Ирина коснулась пластины. Над стойкой развернулась форма заказа.

Задача: установить общий смысловой код с группой, вывести к северному шлюзу.

Носитель: Лада Сенн, спасатель первого контура.

Срок активной версии: 40 минут.

Допустимая нагрузка противоречий: 35.

Минимальный коэффициент возврата: 0,92.

Бюджет связности: 100.

Ниже мигало предложение: восстановление лицензии категории Б при успешной миссии и отсутствии отклонений.

Артём прочитал его дважды. Не потому, что не понял. Он хотел поймать прежнее чувство — то горячее, почти детское облегчение, с которым три года назад видел подтверждение сложной сборки. Вернулось другое: память о белой палате и человеке, который узнавал каждый предмет, кроме собственного имени.

— Кто определяет отклонение? — спросил он.

— Я, — сказала Ирина.

— Тогда условие прозрачное.

— Вы всё ещё умеете видеть выгодную часть сделки.

— Вы всё ещё умеете прятать нож в формулировке.

На галерее один из ремонтников поднялся и шагнул к краю. Товарищи схватили его, но сделали это одновременно, каждый с разным намерением. Мужчина отбил и замер, прижавшись спиной к ограждению. До пустоты за ним оставалось не больше ширины ладони.

Лада снова постучала по ложементу, теперь быстрее.

— Разбирайтесь после. Сборку — сейчас.

Артём вставил пластину в контрольную щель. Рама узнала не его, а чужое право подписи. От этого было хуже, чем от красной строки.

Каталог следов раскрылся веером. Тысячи добровольно лицензированных фрагментов поведения: не память донора и не его голос, а закреплённый способ делать одну вещь. Удерживать внимание на лице собеседника при панике. Замечать изменение дистанции. Переформулировать приказ как выбор. Выдерживать паузу, не заполняя её угрозой.

— Базовый контур переговорщика, — предложила Ная.

Распределённый голос Ядра доносился сразу из стойки и из стекла, без пола и возраста.

Над Рамой возникла первая схема.

Распознавание намерения — 26

Устойчивость к смысловому сдвигу — 24

Доверительное присоединение — 18

Директивность — 12

Самосохранение — 10

Резерв — 10

Нагрузка противоречий: 17. Расчётный возврат: 0,96.

— Нет, — сказал Артём.

Ирина посмотрела на таймер.

— Аргумент.

— Доверительное присоединение предполагает, что версия принимает переживание собеседника как основу общего кода. В обычной ссоре полезно. В Шве она присоединится к шести разным толкованиям и потеряет собственную точку отсчёта.

— Протокол допускает восемнадцать единиц, — заметил Тихон.

— Протокол написан для пространства, где слово «стой» не может одновременно означать «подойди», «ударь» и «я боюсь».

Артём снял весь блок доверительного присоединения. Красные связи исчезли, но вместе с ними коэффициент успеха упал с семидесяти четырёх до сорока одного процента.

Ирина постучала ногтем по таймеру.

— Нам нужна не философски безупречная неудача.

— Нам нужна версия, способная сомневаться в смысле и не сомневаться в себе.

Он добавил девять единиц проверки взаимности: след, сформированный не профессиональным переговорщиком, а диспетчерами дальних шахт. Там любую команду подтверждали действием, видимым обеим сторонам. Ещё семь отдал удержанию собственного имени. Ная отметила рост нагрузки до двадцати девяти.

— Имя версии? — спросила система.

— Седьмая итерация, — сказал Тихон. — Обозначение М-7.

— Мира-7, — поправил Артём.

— Это фонетическое украшение.

— Это якорь. Два слога легче удержать в Шве, чем букву и число. Лада, повторите.

— Мира. Семь. Мира-7.

— Принято, — сказала Ная.

Артём вывел полный расчёт на стекло, чтобы его видела Лада.

— Распознавание намерения — двадцать шесть. Устойчивость — двадцать четыре. Проверка взаимности — девять. Директивность оставляю восемь, только для аварийного отхода. Самосохранение — десять. Якорь имени — семь. Резерв — шестнадцать. Противоречия — двадцать девять из ста. Срок — сорок минут.

— Что почувствую после? — спросила Лада.

Ирина едва заметно повернула голову. В старой форме согласия такого вопроса не было.

— Расчётный долг памяти — до трёх единиц, — ответил Артём. — Сухость во рту, желание проверять смысл чужих слов встречным жестом. Может сохраниться привычка на несколько часов. При росте долга выше пяти сборка должна выйти.

— Должна или выйдет?

Артём задержал пальцы над настройкой.

— Должна по заданному приоритету. Принудительный выход я не ставлю: в Шве потеря версии посреди движения опаснее превышения.

— Значит, решение останется у неё?

— У вас обеих.

— У версии нет отдельного права решения, — сказала Ирина. — Юридически.

— Физически оно есть, — ответила Лада. — Мне важнее это.

Артём развернул последний узел. Ограничение срока можно было задать мягко — постепенным угасанием функций — или жёстко, с обрывом всех связей на сороковой минуте. Мягкий распад стоил шесть единиц резерва и снижал устойчивость в финале. Жёсткий сохранял эффективность до последней секунды.

Ирина ждала. На экране мужчина у края галереи снова пошевелился.

Артём выбрал мягкий.

Резерв — 10. Коэффициент возврата — 0,93. Вероятность выполнения — 68%.

— Вы только что убрали шесть процентов успеха, — сказал Тихон.

— Я убрал обрыв личности внутри бегущего человека.

— Временной конфигурации.

— Назовите как угодно. Падать будет Лада.

Лада подняла большой палец.

— Согласие подтверждаю. Запуск.

Рама сомкнула свет вокруг её головы.

На первых секундах ничего не произошло. Потом палец Лады, всё ещё лежавший на краю ложементы, сделал один удар вместо четырёх. Она вдохнула, будто воздух стал новым веществом, и повернула голову к стеклу.

— Кто из вас Артём Вей?

— Я.

— Вы собрали меня для переговоров в среде с ненадёжным смыслом?

— Да.

— Тогда почему первое утверждение, которое я должна принять на веру, принадлежит вам?

Тихон быстро взглянул на журнал. Ирина осталась неподвижна.

Артём показал раскрытые ладони, затем указал на своё имя в форме допуска и на схему сборки.

— Не принимайте. Проверяйте взаимность.

Мира-7 проследила за жестом. Уголки её губ чуть дрогнули — не улыбка Лады, а отметка найденного решения.

— Теперь достаточно. Ведите к шлюзу.

*

Вход в Шов выглядел как вертикальная трещина в воздухе. За ней спасательный коридор продолжался, но расстояния переставали соглашаться друг с другом. До первой двери было пять шагов по полу и двенадцать по стене. Свет от аварийных полос ложился на людей раньше, чем они входили.

Артём видел всё через нагрудную камеру Лады. Биометрия шла отдельным слоем: пульс сто двенадцать, нагрузка противоречий тридцать один, долг памяти ноль. Таймер Мира-7 отсчитывал тридцать семь минут.

— Канал команд оставляем закрытым, — сказала Мира.

— Мы потеряем возможность предупредить вас, — возразила Ирина.

— Предупреждение, смысл которого я не могу проверить, увеличит риск. Передавайте только изображения и числа.

Ирина посмотрела на Артёма.

— Это заложено?

— Возможность ограничить входящие данные — да. Конкретное решение — нет.

Тихон отметил что-то в журнале.

Мира вошла в галерею. Шестеро ремонтников повернулись к ней, и каждый увидел, судя по показаниям масок, другое. Один — начальника смены. Второй — незнакомца с оружием. Третий вообще не отметил человека, только движущийся провал в стене.

Мира не заговорила. Она опустилась на колено и положила перед собой аварийный фонарь. Включила его один раз, дождалась, пока двое повторят движение своими лампами, затем выключила. Один сигнал — один ответ. Проверка взаимности.

Мужчина у края ограждения закричал. Звука в диспетчерской не было, но маска распознала слова: «Не зовите меня вниз».

Мира показала вверх.

Мужчина вжал голову в плечи и шагнул к пустоте.

— Для него направление обращено, — сказал Артём. — Не указывайте цель.

Мира не слышала, но на стекле перед ней возникла схема без слов: стрелка, перечёркнутая крестом. Она взглянула в камеру и перечеркнула воздух двумя пальцами. Принято.

Вместо направления она пристегнула страховочную нить к поясу и бросила свободный конец на пол между собой и группой. Потянула один раз. Женщина в жёлтом ремонтном панцире присела и коснулась нити. Мира потянула дважды, потом сама сделала шаг назад. Женщина повторила.

Остальные не двинулись.

Таймер показывал двадцать девять минут. Защитный карман начал сжиматься; по краям галереи проступили чёрные прямоугольники несостоявшихся дверей.

Мира собрала общий код не из слов. Один световой импульс означал «смотри на действие». Два натяжения нити — «повтори». Ладонь на груди — «решение моё». Ладонь, обращённая наружу, — «остановись, я не понимаю».

Третьего ремонтника пришлось убеждать семь минут. Он считал нить живой и пытался перерезать её инструментом. Мира позволила ему отсечь короткий свободный кусок, показала, что тот не двигается, и только потом снова протянула основную линию. Её пульс держался ровно, но нагрузка противоречий выросла до тридцати шести.

— Выше допуска, — произнёс Тихон.

— Допуск был тридцать пять, — сказала Ирина. — Дистанционный выход.

— Нет, — ответил Артём. — Долг памяти одна целая восемь, возврат ноль девяносто три. Рост вызван тремя несовместимыми кодами, она их разделяет.

— У вас нет права отменять предел.

— У вас есть право оборвать сборку. Потом объясните Ладе, почему она очнулась в Шве среди людей, которые считают её оружием.

Ирина положила палец на поле аварийного завершения. Не нажала.

Мира вывела пятерых. Шестой, тот самый мужчина у края, отказался брать нить. Защитный карман оставлял до схлопывания одиннадцать минут; у Миры было девять с половиной.

Она подошла к нему без фонаря и страховки. Он размахивал руками, отгоняя невидимого собеседника. Маска переводила обрывки речи: «Я уже вернулся», «не делайте ещё одну дверь», «вы не настоящая».

Мира села на пол в двух шагах от него.

— Что она делает? — спросила Ирина.

Артём увеличил телеметрию. Восемь единиц директивности погасли. Мира сама исключила их из активного контура. Освободившийся ресурс ушёл в устойчивость и имя.

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ПЕРЕБАЛАНСИРОВКА. РАСХОД НЕ ОПРЕДЕЛЁН.

— Ждёт, — сказал он.

Мужчина перестал отбиваться. Мира положила ладонь себе на грудь: решение моё. Потом открыла вторую ладонь в его сторону: остановись, я не понимаю.

Он медленно повторил первый жест.

Мира коснулась пола между ними. Не позвала, не указала путь, не потребовала доверия. Просто обозначила место, одинаковое для обоих.

Мужчина шагнул к нему.

Обратно они шли рядом. Нить оставалась смотанной на поясе.

Северный шлюз закрылся за ними за две минуты до схлопывания кармана. В диспетчерской разом вернулся звук: тревожные сигналы, дыхание спасателей, чей-то смех, похожий на кашель. Артём только теперь заметил, что всё это время держался за край стойки.

На экране вспыхнул итог:

ЭВАКУИРОВАНО: 6 ИЗ 6.

ТРАВМЫ В ХОДЕ МИССИИ: 0.

КОЭФФИЦИЕНТ ВОЗВРАТА: 0,931.

ДОЛГ ПАМЯТИ: 3,4.

ДО ЗАВЕРШЕНИЯ ВЕРСИИ: 01:46.

Ирина убрала руку с поля аварийного завершения.

— Результат принят. Лицензионная комиссия получит журнал.

— Полный? — спросил Артём.

— В пределах задачи.

— Значит, не полный.

Тихон уже листал телеметрию.

— Перебалансировка не соответствует ни одному разрешённому правилу. Бюджет при запуске — сто. Перед выходом — сто семь.

— Ошибка измерения, — сказала Ирина.

— Вероятность ошибки по протоколу девять дробь два — ноль целых четыре сотых.

— Тогда запишите аномалию. После распада повторим расчёт на чистом контуре.

Ладу внесли в сборочную на подвижном ложементе. Она была в сознании, но смотрела не на врачей. Мира-7 искала глазами стекло диспетчерской.

Артём вошёл внутрь. Рама снова показала красную строку, хотя минуту назад подчинилась его рукам.

— Шестеро вышли, — сказал он. — Задача выполнена.

— Я знаю.

Голос стал тише. Мягкий распад уже забирал второстепенные связи: сначала точность движений, затем устойчивость внимания. Таймер показывал сорок две секунды.

— Вы изменили сборку, — сказал Артём. — Убрали директивность.

— Она мешала ждать.

— Откуда взялись семь единиц?

— Неверный вопрос.

Двадцать восемь секунд.

Тихон остановился у двери, держа журнал обеими руками. Ирина осталась за стеклом.

— Какой верный? — спросил Артём.

Мира подняла ладонь Лады и долго рассматривала пальцы, словно запоминала инструмент, который скоро предстояло вернуть.

— Вы сообщили мне срок. Сообщили цену для носителя. Сообщили цель. Но не сообщили, что произойдёт с решением, которое не было вами предусмотрено.

Пятнадцать секунд.

— Оно останется в журнале.

— Журнал — это память системы. Я спрашиваю не о системе.

Семь.

Мира-7 посмотрела прямо на него.

— Кто завершает меня: срок или вы?

На нуле Рама погасила свет.

Лада вздрогнула, резко втянула воздух и закрыла лицо ладонью. Через секунду отвела пальцы и спросила:

— Все вышли?

— Все, — ответил Артём.

Она кивнула. Затем, будто не заметив движения, постучала по краю ложементта один раз.

Тихон посмотрел на её палец, потом на строку перерасхода.

Ирина первой нарушила молчание:

— Версию завершить. Контур очистить. Журнал передать мне.

Артём вынул пластину допуска из стойки. Право подписи исчезло, но журнал ещё оставался открытым — семь лишних единиц, один самостоятельный выбор и вопрос, на который в форме заказа не было поля.

Он нажал «сохранить локальную копию».

Глава 2. Бюджет связности

Локальная копия журнала весила меньше одной фотографии и могла стоить Артёму последнего шанса вернуть профессию.

Он спрятал её не в карманном узле — Совет проверял такие устройства на выходе, — а в диагностическом буфере самой Рамы. Старые машины держали последние восемьдесят секунд работы на механическом кристалле, чтобы авария питания не уничтожила причину сбоя. Большинство конструкторов считало этот буфер частью мебели. Артём когда-то менял в нём контакты и знал, что очистка основного контура его не затрагивает.

— Отойдите от стойки, — сказала Ирина.

В сборочной медики проверяли Ладу. Она отвечала на вопросы быстро и раздражённо: имя, дата, номер смены, шесть лиц из эвакуированной группы. На просьбу назвать последнее воспоминание до запуска сказала:

— Я разрешила мягкий распад. В отличие от вашей формы, я это помню.

Ирина услышала, но не повернула головы.

— Ваш одноразовый допуск истёк, Артём.

Он вынул руки из управляющей ниши. Красная строка снова заняла стекло.

Тихон подключил к Раме аудиторский ключ.

— Начинаю послемиссионную очистку по протоколу восемь дробь один. Основной журнал передан в защищённое хранилище Совета. Остаточные рабочие данные будут уничтожены.

— Перед уничтожением покажите распределение семи единиц, — сказал Артём.

— Оно не прошло верификацию.

— Поэтому и покажите.

— Вам запрещена работа с диагностикой.

— А вам разрешено не заметить семь процентов базового бюджета?

Тихон поднял на него глаза.

— Семь единиц не равны семи процентам результата. Бюджет связности — мера удержания активных связей, а не шкала качества.

— Наконец-то вы говорите как аудитор, а не как дверной замок.

— Дверной замок не обязан объяснять отказ.

Ирина провела пластиной по считывателю. На стекле появилось подтверждение очистки.

— Разбор проведём после медицинского отчёта. Если отклонение останется в выгрузке, его рассмотрит комиссия.

— В какой категории?

— Системный шум.

— Вы уже назначили причину до разбора.

— Я назначила безопасную категорию до появления доказательств обратного.

— Безопасную для кого?

Ирина посмотрела на него так, словно вопрос был старым и утомительным.

— Для города. Ядро не может принимать каждую нестабильность временной сборки за рождение нового субъекта. Оно и без того удерживает двадцать три миллиона постоянных контуров.

— Я не говорил о рождении.

— Вы сохранили журнал после приказа об очистке. Это ваша привычка: сначала наделить отклонение значением, потом требовать, чтобы все разделили вашу ответственность за него.

Слова попали точно. Три года назад Артём тоже отказался признать колебание шумом. Тогда он оказался прав насчёт причины и опоздал с остановкой процедуры. Правота не вернула пациенту имя.

Тихон нажал подтверждение.

Основной контур погас. Вместе с ним исчезли схема Миры-7, её таймер и семь янтарных делений сверх чёрной границы. Осталась чистая поверхность Рамы.

— Вот теперь это шум, — сказал Артём.

— Нет, — ответил Тихон. — Теперь это данные в хранилище Совета.

— К которым у меня нет доступа.

— У вас нет лицензии.

— А у Миры нет даже строки в реестре.

Лада за стеклом один раз постучала пальцем. Заметила движение и прижала ладонь к бедру.

Ирина забрала пластину допуска.

— Комиссия соберётся в девять утра. До тех пор вы не приближаетесь к Рамам, не связываетесь с эвакуированными и не распространяете непроверенные данные. Соблюдёте условия — сегодняшний результат будет учтён.

— При рассмотрении лицензии?

— При рассмотрении пригодности к рассмотрению лицензии.

— Щедро.

— Это больше, чем у вас было утром.

Она ушла. Тихон задержался возле чистого стекла.

— Диагностический буфер очищается при аппаратном сбросе, — сказал он, не глядя на Артёма. — По расписанию он произойдёт через двадцать шесть минут.

— Полезная справка.

— Протокол требует сообщать оператору порядок завершения работы.

— Я не оператор.

— Именно.

Тихон вышел следом за Ириной.

Артём посмотрел на закрывшуюся дверь, затем на маленькую сервисную крышку под ложементом Рамы. Двадцать шесть минут были слишком точным предупреждением для человека, который ничего не заметил.

*

Механический кристалл нельзя было прочесть без стенда. Зато его можно было вынуть.

Артём дождался, пока медики переведут Ладу в комнату возврата, и опустился на колени у Рамы. Сервисная крышка крепилась двумя винтами разного размера — решение мастера Глеба Орса, считавшего симметрию приглашением для дурака. Артём провернул первый краем пластины старого пропуска. Второй пришлось прижать ногтем и повернуть всю крышку.

— В режиме наблюдателя разрешено демонтировать оборудование? — спросила Лада.

Она стояла в дверях, уже без спасательного панциря, в чёрном нижнем костюме с серебристыми вводами на висках. Медицинский браслет мигал зелёным.

— Разрешено наблюдать, как оно само выпадает.

— Ясно. Помочь наблюдать?

— Вам положено два часа покоя.

— Мне положено не терять сознание, не входить в Шов и сообщать о чужих мыслях. О винтах ничего нет.

Она прикрыла дверь и встала так, чтобы заслонить Артёма от коридорной камеры. Кристалл вышел из гнезда с сухим щелчком. Тонкая прозрачная пластинка, внутри которой застыли восемьдесят секунд Миры.

— Это её память? — спросила Лада.

— Нет. Снимок активных связей и телеметрии. Здесь нет переживания изнутри.

— А разница проверена или так написано в протоколе?

Артём положил кристалл в пустой отсек своего пропуска.

— Проверена настолько, насколько мы умеем проверять чужое переживание.

— То есть плохо.

— Честный ответ — да.

Лада кивнула. Потом снова прижала правую ладонь к бедру.

— Палец? — спросил Артём.

— Хочет стучать.

— Четыре раза?

— Один.

— До сборки вы делали по четыре.

— По четыре я проверяю ритм перед входом. Один раз делала она, когда хотела подтверждение. Я это не помню. Просто знаю.

Артём почувствовал, как привычная часть разума уже раскладывает наблюдение по полям: остаточный моторный след, перенос контекста, долг памяти три целых четыре. Другая часть услышала последнюю фразу Миры.

Кто завершает меня?

— Не подавляйте движение, — сказал он. — Но каждый раз отмечайте время и причину.

— Причину желания или причину, по которой я ему подчинюсь?

— Обе.

— Хорошая сборка задавала бы меньше вопросов.

— Плохая — не заметила бы разницы.

В коридоре загорелся индикатор обхода. Лада открыла дверь.

— Где будете читать?

— В мастерской человека, который придумал винты разного размера.

— Глеб Орс?

— Вы его знаете?

— Он собирал мою первую версию. Потом сказал никогда не считать возврат возвращением в прежнюю точку.

— На него похоже.

— Передайте, что до сих пор злюсь.

— Это тоже на него похоже.

Они разошлись в разные стороны. Артём успел пройти контроль до аппаратного сброса за девять минут. Сканер пропуска отметил только металл старого контакта и не распознал кристалл как носитель данных. Совет прекрасно защищался от новых способов кражи и редко — от собственных забытых деталей.

*

Мастерская Глеба находилась на техническом ярусе между водяными баками и каналом охлаждения Ядра. Здесь город звучал телом: трубы отзывались на перемену нагрузки, стены едва заметно дрожали, в щелях пола ходил тёплый воздух. Вывески не было. На двери мелом стояло: «Закрыто по решению владельца. Владелец внутри».

Глеб открыл после третьего удара.

— Если пришёл просить работу, её нет. Если прятаться — место занято. Если с украденным кристаллом — вытирай ноги.

— Почему сразу с украденным?

— Люди без кристалла стучат увереннее.

Он постарел ровно настолько, чтобы седина перестала выглядеть случайной. Левая рука была в защитной перчатке до локтя. После аварии старых Рам Глеб почти не чувствовал пальцев, но продолжал чинить то, что новые мастера предпочитали списывать.

Внутри теснились разобранные стойки, катушки световодов и три поколения считывателей. Артём положил пропуск на верстак.

— Восемьдесят последних секунд сборки.

— Чьей?

— Временного переговорщика. Мира-7.

— Уже имя. Быстро ты.

— Якорь для Шва тишины.

— Разумеется. Мы всегда даём имя ради технической необходимости, а потом удивляемся, что оно кому-то принадлежит.

Глеб снял перчатку зубами, достал кристалл и вставил его в старый считыватель. Тот загудел, выбросил синий луч и написал на стене:

> ФОРМАТ НОВЕЕ УСТРОЙСТВА. ЧТЕНИЕ В РЕЖИМЕ СОМНЕНИЯ.

— Полезная функция, — сказал Артём.

— Я добавил её после знакомства с людьми.

Данные развернулись не красивой схемой Рамы, а таблицей из сотен строк. Глеб передал Артёму два щупа.

— Базовый бюджет?

— Сто.

— Контрольная сумма перед миссией?

— Девяносто девять целых девятьсот восемьдесят две тысячных. Округление до ста.

— Перед распадом?

— Сто семь.

— Тогда ищем не семь. Ищем момент, когда сумма перестала возвращаться к исходной после каждого выбора.

Они прокрутили журнал назад. На последних секундах связи гасли в правильном порядке: периферическое внимание, моторное предсказание, языковые фильтры. Семь единиц не принадлежали ни одной из них. Они проходили через весь контур тонкой замкнутой линией и исчезали из таблицы всякий раз, когда программа пыталась назначить им источник.

— Паразитный цикл? — предположил Артём.

— Цикл потреблял бы ресурс на повторе. Здесь ресурс удерживается без повторения.

— Ошибка адресации.

— Адрес меняется, связь остаётся. Смотри.

Глеб наложил друг на друга три снимка. На первом Мира отключала директивность. На втором садилась перед последним ремонтником. На третьем задавала Артёму вопрос. Семь единиц каждый раз располагались в другом узле, но сохраняли один рисунок: действие сравнивалось не с заданной целью и не с безопасностью Лады, а с предыдущим действием самой Миры.

Артём увеличил схему.

— Контур внутренней последовательности.

— Такого параметра нет.

— Есть якорь имени.

— Якорь отвечает на вопрос «как меня зовут». А это отвечает на вопрос «почему мой следующий выбор всё ещё мой».

В мастерской стало слышно, как за стеной переключается поток охлаждения. Город принимал очередное решение без свидетелей.

— Навык не может удерживать собственную причинность, — сказал Артём.

— Навык — нет.

— В сборке нет ничего, кроме навыковых следов и правил согласования.

— Было. До первого выбора, для которого ты не написал правило.

Артём вернул журнал к моменту, когда Мира убрала директивность. Система ожидала, что освобождённые восемь единиц вернутся в резерв. Вернулась одна. Остальные не пропали — связали решение с новым состоянием. Когда Мира села ждать, она использовала уже не набор входных следов, а собственный предыдущий поступок как основание для следующего.

— Она создала служебный контур, — сказал Артём.

— Удобное название.

— Технически верное.

— А если технически верное название позволяет стереть неудобный смысл?

— Не начинай.

— Я ничего не начинал. Это твоя запись.

Артём вывел расход по секундам. Семь единиц появлялись не сразу. Сначала две десятых — когда Мира закрыла канал команд. Одна целая одна — когда изменила общий код для третьего ремонтника. Потом скачок до семи в момент отказа от директивности. После этого значение не росло, хотя решений было ещё несколько.

— Почему остановилось на семи?

Глеб пожал плечами.

— Может, столько стоило именно этой версии удержать себя. Может, дальше контуру не требовался ресурс. Может, Рама умеет считать только до границы, которую ей разрешили видеть.

— Мне нужны воспроизводимые выводы.

— Тогда собери ещё одну Миру и снова поставь человека у края.

Артём резко отодвинул щупы.

— Нет.

— Вот и первая воспроизводимая граница.

Глеб сохранил три снимка отдельно и выгрузил таблицу на бумажную ленту. Не в сеть, не в городской узел — на тонкую серую полосу, которую нельзя было удалить приказом из Совета.

— Комиссия скажет, что считыватель несертифицирован, — сказал Артём.

— Правильно скажет.

— Что кристалл мог быть повреждён при извлечении.

— Мог.

— Что моя заинтересованность делает анализ недостоверным.

— Делает.

— Ты сегодня особенно полезен.

— Я не комиссия. Я чиню способы задавать следующий вопрос.

На бумаге семь единиц выглядели почти смешно: короткая полка над базовой линией. Ради неё Артём нарушил приказ, вынес часть Рамы и пришёл к мастеру, которого Совет считал технически неблагонадёжным. Если он принесёт ленту утром, Ирина закроет вопрос вместе с его лицензией. Если не принесёт, данные останутся частной догадкой.

— Нужна контрольная выборка из основного хранилища, — сказал он.

— К ней тебя не пустят.

— Пустят аудитора.

— Тот сухой мальчик, который нумерует вдохи?

— Тихон Рей.

— Он донесёт Ирине раньше, чем ты закончишь предложение.

— Если данные сойдутся, донесёт вместе с ними.

Глеб посмотрел на него внимательнее.

— Ты всё ещё думаешь, что достаточно показать точную цифру правильному человеку.

— А ты всё ещё думаешь, что спасённое в тайнике становится свободным.

Лицо Глеба на мгновение застыло. Артём не понял, во что попал, но понял, что попал.

Старый мастер свернул ленту и протянул ему.

— Забирай. Кристалл оставь до утра: сделаю побитовую копию.

— Это мой единственный оригинал.

— Именно поэтому не носи его на встречу с Советом.

Артём спрятал ленту во внутренний шов куртки.

— Лада просила передать, что до сих пор злится.

— Значит, коэффициент возврата у неё лучше, чем показывает система.

— У неё осталась привычка Миры. Один стук.

Глеб медленно натянул перчатку на левую руку.

— Привычки — самые дешёвые контрабандисты. Их никто не обыскивает.

*

Тихон ответил на вызов через девять секунд.

— Вы нарушаете условие не связываться с участниками проверки.

— Вы участник?

— Аудитор.

— Тогда условие не нарушено. Мне нужна контрольная сумма основного журнала на отметках минус шесть минут двенадцать секунд, минус четыре минуты пятьдесят одна и минус сорок две секунды до распада.

— Основание запроса?

— Семь единиц образуют контур внутренней последовательности после самостоятельной перебалансировки.

На линии повисла короткая тишина.

— Такого контура нет в классификаторе.

— Поэтому он проходит как неизвестный расход. Сравните три отметки.

— Где вы получили данные после очистки?

— Из вопроса, который не поместился в классификатор.

— Это не ответ.

— Это всё, что вы получите до сравнения.

Тихон отключился.

Артём вышел из мастерской к каналу охлаждения. Внизу, за решётчатым настилом, текла светлая вода. На противоположной стене дрожала проекция ночного Веретена: ярусы домов, мосты, лифтовые нити, тысячи окон внутри башни. Внешнего неба город не видел больше восьмидесяти лет, поэтому на верхних уровнях его показывали по расписанию. Здесь на проекцию не тратили мощности. Жителям технических ярусов полагалось помнить, где они находятся.

Через четыре минуты Тихон прислал три числа.

101,12. 107,00. 107,00.

Следом пришла строка:

> Контрольные суммы основного хранилища совпадают с заявленной динамикой. Источник расхода не классифицирован. Передайте метод анализа.

Артём сфотографировал только схему наложения, без адреса мастерской и марки считывателя. Тихон получил её, просмотрел и вызвал снова.

— Вы интерпретируете корреляцию как причинность.

— Я показываю момент возникновения.

— Он совпадает с самостоятельной перебалансировкой. Это не доказывает субъектность.

— Я не употреблял это слово.

— Но строите вывод к нему.

— Я строю вывод к запрету очистки данных до разбора.

— Очистка уже выполнена.

— Основной журнал остался.

- До решения Ирины Краст.
- Поэтому поставьте аудиторскую блокировку.
- Для неё требуется признак угрозы системе.
- Необъяснимое создание семи единиц сверх базового бюджета — не угроза?
- Если единицы созданы. Возможно, изменилась граница учёта.
- Тем более блокируйте.

Тихон молчал достаточно долго, чтобы Артём услышал в канале слабый стук клавиш.

— Блокировка поставлена на шесть часов, — сказал аудитор. — Основание: расхождение контрольных сумм. Не субъектность.

- Напишите хоть «неприятная арифметика».
- Такой категории нет.
- Когда-нибудь появится.
- Комиссия в девять. Ирина уже знает о блокировке.
- Разумеется.

— Она предлагает вам отозвать запрос до заседания. Тогда нарушение очистки не будет внесено в лицензионное дело.

На внутренней стороне куртки шуршала бумажная лента. Семь единиц, три совпавшие отметки и вопрос женщины, прожившей сорок минут.

- А журнал?
- Получит категорию системного шума и будет удалён через тридцать дней.
- Нет.
- Это ваш окончательный ответ?

Артём посмотрел на город без неба.

— Запишите точнее. Запрос не отзываю. Полный журнал сохранить. Отклонение считать неустранённым до воспроизводимого объяснения происхождения семи единиц.

- Это почти наверняка лишит вас допуска к комиссии.
- Зато у комиссии останется предмет разговора.

Тихон отключился.

Через несколько секунд пришло системное уведомление:

> ЛИЦЕНЗИОННОЕ ДЕЛО: ДОБАВЛЕНО НАРУШЕНИЕ ПОРЯДКА ХРАНЕНИЯ.

> ЖУРНАЛ М-7: УДАЛЕНИЕ ПРИОСТАНОВЛЕНО АУДИТОРОМ.

> ПРИЧИНА: НЕОБЪЯСНИМЫЙ ПОСТОЯННЫЙ РАСХОД — 7 ЕДИНИЦ.

Артём перечитал вторую строку. Шанс вернуть лицензию стал меньше. Шанс, что сорок минут Миры сведут к ошибке округления, — тоже.

Пока это был единственный расчёт, который его устраивал.

Глава 3. Носитель не контейнер

В девять утра комиссия отложила решение по журналу Миры-7 на сутки. В девять ноль три Лада потеряла семь секунд.

Она стояла в медицинском контуре Совета, босая, с датчиками на висках и запястьях. Перед ней на стене двигалась белая точка. Задача была простой: следить взглядом, поднимать правую руку при смене направления и называть число после каждого звукового сигнала. Обычная проверка возврата — скучная настолько, что человек начинал ошибаться от желания поскорее закончить.

Точка дошла до края экрана. Лада подняла руку.

Потом оказалась у стены, прижавшись к ней левым плечом.

Между этими двумя положениями не было ничего.

— Не двигайтесь, — сказала врач.

Лада посмотрела на свою левую ладонь. Под ногтями белела штукатурная пыль. На экране горело число семнадцать, хотя последним она помнила четырнадцать.

— Сколько?

— Семь целых две десятых секунды, — ответила врач. — Вы меня слышали?

— Сейчас слышу.

— Я просила остановиться трижды.

— Не слышала.

— Слуховой канал был открыт.

— Значит, вы не то спросили.

Врач не оценила шутку. Она сняла с панели плоский красный ключ и заперла дверь медицинского контура. Лада следила за её руками. Молодая, слишком аккуратная, с серебряной меткой Совета на воротнике. Имя на карточке — Эмма Вар. Лада видела её раньше, но не могла вспомнить где.

На панели мигали две кривые: синяя и янтарная. Синяя шла ровно. Янтарная на семь секунд образовала узкий зубец.

Лада постучала указательным пальцем по бедру.

Один раз.

Врач посмотрела на палец.

— Повторите.

— Что?

— Движение.

Лада сжала руку в кулак.

— Нет.

— Почему?

— Потому что вы хотите получить его по команде.

— Это диагностическая просьба.

— Для меня сейчас разницы нет.

Эмма помолчала, затем убрала руку от панели.

— Хорошо. Как вы оказались у стены?

— Если бы знала, не спрашивала бы, сколько времени прошло.

— Что вы чувствуете?

Лада проверила себя по порядку, которому учили спасателей: пол под ступнями, вес тела, воздух в груди, границы зрения, имена присутствующих. Пол был твёрдым. Вес — её. Дышать не мешало. Врач называлась Эммой Вар. С собственным именем пришлось задержаться на долю секунды.

— Раздражение, — сказала Лада. — И холод в левой кисти.

— Чья это кисть?

Лада посмотрела на врача.

— Не начинайте с плохих вопросов.

— Это стандартный протокол после разрыва непрерывности.

— Разрыва ещё никто не установил.

— Потеря времени — достаточное основание.

— Для наблюдения. Не для вывода.

Эмма снова не оценила. Но теперь в её лице появилось что-то полезнее строгости — сомнение.

— Я вызову конструктора.

— У меня нет конструктора.

— Артёма Вея.

— Он собирал Миру. Я была носителем.

— В медицинской карте он указан ответственным за конфигурацию.

— Исправьте карту.

— Сейчас важнее установить, что осталось после распада.

— Вот поэтому и исправьте.

Эмма задержала взгляд на красном ключе, будто тот мог подсказать правильную иерархию. Затем открыла служебный канал.

— Вызовите Вея. Срочно. И никого из комиссии до первичного заключения.

*

Артём пришёл через двенадцать минут с бумажной лентой Глеба во внутреннем кармане. У дверей стояли двое сотрудников безопасности, хотя Лада ничего не сломала. Пока ничего.

— Кто назначил охрану? — спросил он.

— Автоматика, — ответила Эмма. — При незапланированной активности постсборочного контура.

— У человека была активность. Контур вы ещё не нашли.

Лада коротко усмехнулась.

— Он тоже хочет исправить карту.

Артём увидел красный ключ, закрытую дверь и только потом — её босые ноги.

— Обувь где?

— Там, где я начинала тест.

Ботинки стояли у диагностического круга в четырёх метрах от неё. Правый был развязан. Лада всегда завязывала оба двойным узлом перед любым медицинским осмотром: старая привычка спасателя, который не доверял внезапным тревогам.

— Семь целых две десятых секунды, — сказала Эмма. — Целенаправленное движение без ответа на внешние команды. Моторная активность согласована. В конце эпизода носитель занял защищённую позицию у стены.

— Почему «носитель»? — спросила Лада.

— Так называется ваша роль в протоколе.

— Моя роль закончилась вместе со сборкой.

— Формально — да.

— Тогда называйте меня по имени.

Эмма выдохнула через нос.

— Лада заняла защищённую позицию у стены.

— Лучше.

Артём подошёл к экрану. Синяя линия показывала общую нервную активность. Янтарная — совпадение с эталоном временной конфигурации. Зубец был высоким, но слишком коротким, чтобы определить состав.

— Сырые данные.

— Вам закрыт доступ до решения комиссии.

— Тогда смотрите сами. Разложите моторную последовательность по источникам: базовая пластика Лады, лицензированные следы Миры, аварийные рефлексy Рамы.

Эмма ввела команду. На экране появились три столбца.

> БАЗОВОЕ СОВПАДЕНИЕ: 62%

> НАВЫКОВЫЙ ОСТАТОК: 31%

> НЕОПРЕДЕЛЁННОЕ: 7%

Семь.

Артём не любил числа, которые слишком хорошо подходили к страху наблюдателя. Такие числа превращались в доказательства раньше, чем становились фактами.

— Это не те семь единиц, — сказал он.

— Значение совпадает, — заметила Эмма.

— Здесь проценты классификации движения. В журнале — бюджет связности. Разные шкалы.

— Но корреляция возможна.

— Возможна. Равенство не доказано.

Лада перевела взгляд с одного на другую.

— Объясните без слова «корреляция».

— Тридцать один процент движения система узнаёт как остаток навыков Миры, — сказал Артём. — Семь процентов не узнаёт вообще. Это не значит, что Мира забрала семь процентов твоего тела.

— Обнадёживает точность формулировки.

— Ты помнишь намерение в эти семь секунд?

— Нет.

— Образ? Звук? Чужую фразу?

— Пусто. До — белая точка. После — стена и пыль под ногтями.

— Страх?

— После. Не во время.

— Желание проверить взаимность?

Лада посмотрела на свой палец.

— Один стук был после.

— Я видел. Ты решила постучать?

— Нет. Но этот момент помню.

Эмма увеличила зубец.

— При обычном навыковом остатке сознательная память сохраняется. Человек может не помнить отдельные движения, но удерживает цель: открыть замок, поймать предмет, выбрать опору.

— А при повреждении носителя? — спросил Артём.

— Не называйте меня так, — сказала Лада.

— При повреждении Лады?

— Лучше.

— Обычно есть разрыв общей моторной согласованности, — ответила Эмма. — Здесь его нет. Движение точное, без падения и дезориентации. Пульс снизился на четыре удара.

— То есть тело знало, что делало, — сказала Лада. — Я — нет.

Ная заговорила из потолочного динамика:

— Уточнение: слово «тело» не является самостоятельной категорией принятия решений.

Лада подняла голову.

— Наконец-то полезная поправка.

Артём вывел маршрут движения. За семь секунд Лада не просто отошла к стене. Она сняла правый ботинок носком левой ноги, затем левый — правой, чтобы ступни чувствовали вибрацию пола. Проверила угол обзора. Коснулась штукатурки. Встала так, чтобы видеть дверь и экран одновременно.

В Шве тишины Мира делала похожее: заменяла испорченное распознавание намерений физическими подтверждениями. Но конкретного движения к стене в журнале не было.

— Это не повтор навыка, — сказал Артём.

— Почему? — спросила Эмма.

— Навыковый остаток воспроизводит устойчивый способ действия при знакомом условии. Здесь условие новое. Мира никогда не проходила медицинский тест и не знала эту комнату.

— След мог обобщиться.

— Тогда Лада помнила бы цель, которую сама поставила.

— Не обязательно.

— Обязательно для моторного следа этого класса. Он не содержит скрытой директивы. Только способ заметить и выбрать.

— Значит, повреждение?

Артём приблизил график базовой активности. Ни провала кислорода, ни судорожного выброса, ни рассогласования полушарий. Повреждение могло быть тоньше, но оно не объясняло разумную последовательность.

На экране рядом с маршрутом появилась запись датчика пола. До первого движения Лада четырежды коснулась пяткой покрытия через равные промежутки.

Её собственный ритуал.

Затем один раз носком.

Ритуал Миры.

Четыре и один.

— Что было перед пустотой? — спросил Артём.

— Я подняла правую руку.

— Ещё.

— Точка изменила направление. Сигнал. Число четырнадцать.

— Ноги?

— Не помню.

Он показал запись.

Лада долго смотрела на пять отметок.

— Четыре — проверка снаряжения, — сказала она. — Я делаю так перед выходом. Один — подтверждение Миры.

— Они не смешались, — сказал Артём. — Сначала сработала твоя проверка. Потом её ответ.

— Кому?

Никто не ответил.

Эмма первой отвела взгляд от экрана.

— Я обязана уведомить комиссию о возможной постсборочной активности.

— Уведомите о наблюдаемом событии, — сказал Артём. — Не называйте его активностью личности до повторной проверки.

— А чем называть?

— Незвестным согласованным эпизодом.

— Вы только что доказали, что это не простой навык и не типичное повреждение.

— Я отделил две плохие гипотезы. Это не даёт мне права выбрать третью потому, что она звучит страшнее.

— Комиссия потребует изоляцию.

— Кого? — спросила Лада.

Эмма не ответила сразу, и этого оказалось достаточно.

Лада подошла к стулу, взяла носки и медленно надела их. Каждое движение было демонстративно обычным.

— Если вы скажете «контур», изолируете меня, — сказала она. — Если скажете «Мира», попытаетесь изолировать её во мне. Если скажете «повреждение», получите право лечить меня без разговора о ней. Удобный выбор слов.

— Я не принимаю решение об изоляции.

— Но заполняете поле, из которого оно вырастет.

Артём вспомнил таблицу Глеба: технически верное название, позволяющее стереть неудобный смысл.

— Запишите четыре наблюдения, — сказал он. — Потеря доступа Лады к семи целым двум десяткам секунды. Согласованное защитное действие. Последовательность из её ритуала и подтверждения Миры. Отсутствие признаков острого повреждения по первичному скану. Всё остальное — гипотезы.

— И рекомендация?

— Непрерывное наблюдение без подавления остатка.

— У вас нет полномочий давать такую рекомендацию.

— Тогда подпишите своей фамилией.

Эмма посмотрела на Ладу.

— Вы согласны?

— На наблюдение — да. На подавление — нет. На изоляцию — нет. На вызов во время эпизода — да, если вы сначала назовёте меня по имени и спросите, слышу ли я вас.

— Если вы не ответите?

— Не трогать тело без угрозы жизни.

— Ваше тело, — поправил Артём.

Лада кивнула.

— Моё.

Эмма внесла условия. Красный ключ остался в замке, но охрану за дверью она отменила.

*

Повторную проверку перенесли в старую тренировочную комнату спасателей. Там не было гладких стен медицинского контура и мебели, рассчитанной на спокойных пациентов. На полу лежали сменные плиты: металл, резина, сетка. Из потолка можно было опустить лестницу, трос или имитацию обломка. Лада выбрала помещение сама.

— Здесь я знаю свои привычки, — объяснила она. — Если появится чужая, отличу.

Тихон пришёл с переносным регистратором и поставил его на пол между собой и Артёмом.

— Протокол восемнадцать-б, — объявил он. — Наблюдение остаточной активности после мягкого распада. Участники: Лада Сенн, добровольное согласие ограничено перечисленными действиями; Эмма Вар, медицинский наблюдатель; Артём Вей, консультант без действующей лицензии; Тихон Рей, аудитор.

— Вы всегда представляете людей их ограничениями? — спросила Лада.

— В протоколе — да.

— Тогда добавьте: аудитор, способный остановить удаление журнала на шесть часов.
Тихон поднял глаза от регистратора.

— Блокировка продлена до решения комиссии.

— Поэтому и добавьте.

Он добавил.

Артём разложил на столе пять предметов: карабин, моток тонкого шнура, чашку, пустую коробку и сигнальную пластину. Все знакомые Ладе, ни один не был связан с миссией Миры.

— Задача? — спросила она.

— Ты выбираешь сама.

— Тогда я выберу уйти.

— Это допустимый результат.

— Плохой эксперимент.

— Зато хороший договор.

Она осталась.

Первый цикл длился десять минут. Лада сортировала снаряжение, отвечала на вопросы Эммы и время от времени называла положение красной метки на стене. Никаких провалов. Один раз она постучала четырежды, проверяя крепление шнура. Ни одного одиночного ответа.

Во втором цикле Тихон включил запись переговоров из Шва тишины без голоса Миры — только реплики ремонтников и технические шумы. Лада напряглась, но осталась собой. Пульс вырос. Когнитивная согласованность не изменилась.

— Хватит, — сказала она через три минуты.

Тихон остановил запись.

— Причина?

— Не хочу слушать, как люди боятся, когда уже знаю, что они вышли.

— Это может быть избегание триггера.

— Это может быть вкус.

В третьем цикле Артём попросил её построить безопасный путь через комнату, когда половина плит считалась ненадёжной. Лада проверила сетку карабином, переставила коробку и прошла по диагонали. На середине остановилась.

Один стук прозвучал по металлической плите.

Лада замерла, но память не потеряла.

— Я здесь, — сказала она.

Артём не приближался.

— Слышишь меня?

— Да.

— Что хотела сделать?

— Наступить на серую плиту. Потом появилось... не желание. Поправка.

— Какая?

Лада закрыла глаза, тут же открыла и нахмурилась.

— «Проверь, что правило взаимно».

Тихон поднял регистратор.

— Фраза Миры?

— Нет. Без слов. Я перевела.

— Вы уверены, что мысль не ваша?

— Мои мысли не требуют перевода.

— Любая вербализация невербального решения является переводом.

— Тогда спросите иначе.

Артём посмотрел на схему пола. Ладе сказали, что серые плиты ненадёжны, но не сказали, что синие надёжны. Правило было односторонним: запрет обозначили, подтверждение безопасности — нет.

— Ты бы проверила синюю плиту без поправки?

— Карабином — первую. Остальные считала бы одинаковыми.

— А сейчас?

— Хочу проверить каждую перед переносом веса.

— Это способ Миры, — сказал Артём. — Не её воспоминание и не готовое движение.

Принцип проверки взаимности.

— Навыковый след, — сказала Эмма.

— Возможно.

Лада покачала головой.

— Нет. Навык подсказывает, как сделать. Это возразило против условия задачи.

— Навык критической проверки может возражать.

— Тогда почему мне пришлось отделять его от себя?

Эмма не нашла немедленного ответа.

Тихон нашёл:

— Потому что вы знали о возможном остатке Миры и ожидали его. Самонаблюдение меняет атрибуцию мысли.

— То есть я придумала чужое, потому что мне рассказали о чужом?

— Это одна из гипотез.

— Удобная.

— Удобство не делает её ложной.

— Как и неудобство — истинной, — сказал Артём.

Он попросил Наю сравнить эпизод с донорскими следами, использованными в сборке. Система показала пять совпадений: удержание паузы, отсечение ложной срочности, поиск взаимного сигнала, экономия директивности, контроль имени. Четыре первых могли сохраниться как обычные навыки. Пятое не должно было перейти вообще: якорь имени был служебным правилом сборки, а не лицензированным следом.

— Произнеси своё имя, — сказал Артём.

— Лада Сенн.

— Имя Миры.

— Мира-7.

На графике возник янтарный зубец.

— Ещё раз своё.

— Лада Сенн.

Ровная линия.

— Не повторяйте имя версии, — сказала Эмма.

— Почему? — спросила Лада.

— Мы не знаем эффект.

— Но уже знаете, кому запрещаете его произносить?

Эмма осеклась.

Артём почувствовал знакомое профессиональное искушение: превратить живую неопределённость в чистый эксперимент. Повторить имя десять раз. Изменить порядок. Добавить команду. Получить кривую, которую комиссия не сможет назвать случайностью.

Для этого Ладе пришлось бы снова стать площадкой измерения.

— Тест окончен, — сказал он.

Тихон посмотрел на таймер.

— Запланировано ещё два цикла.

— Они не нужны для медицинской безопасности.

— Нужны для классификации.

— Классификация подождёт.

— Журнал Миры может не подождать.

— Не покупайте один субъект другим.

Тихон побледнел, будто слово ударило точнее, чем Артём рассчитывал.

— Субъектность не установлена ни в одном случае.

— Именно. Поэтому у нас нет права расходовать Ладу ради доказательства Миры.

Лада сошла с плиты.

— И Миру ради доказательства повреждения Лады.

Артём кивнул.

— И это тоже.

*

Комиссия собралась не в зале лицензирования, а прямо за смотровым стеклом тренировочной комнаты. Ирина Краст вошла первой, не снимая серого пальто. Она всегда одевалась так, словно между заседаниями могла начаться эвакуация, которую остальные ещё не заметили.

— Семь секунд, — сказала она вместо приветствия. — После сборки с превышением бюджета на семь единиц.

— Разные величины, — ответил Артём.

— Вы уже сообщили это врачу. Я прочитала протокол.

— Тогда зачем складываете их в одну фразу?

— Потому что город будут интересовать не единицы измерения, а человек, который теряет время после вашей конструкции.

Лада встала между ними.

— После нашей конструкции.

Ирина повернулась к ней.

— Вы считаете себя соавтором?

— Я согласовывала ограничения. Я несла сборку. Я прожила возврат. Если вы ищете ответственность, не вырезайте меня из неё. Если ищете виноватого — не вставляйте вместо меня Вея.

— Я ищу способ не допустить повторения.

— Тогда начните с точного описания.

Ирина посмотрела на Эмму.

Врач зачитала четыре наблюдения именно в той форме, о которой договорились. Потеря времени. Согласованное защитное действие. Последовательность двух различных ритуалов. Отсутствие признаков острого повреждения.

— Заключение? — спросила Ирина.

— Обычный моторный остаток не объясняет потерю доступа к намерению, — сказала Эмма. — Наблюдаемые данные не соответствуют типичному повреждению после мягкого распада. Возможна сохранённая постсборочная связность, но данных недостаточно.

— Рекомендация?

— Наблюдение без подавления. Условия согласованы с Ладой Сенн.

Ирина медленно сняла перчатки.

— Совет может применить нулевой сброс остаточной конфигурации. Процедура займёт четыре минуты.

— Нет, — сказала Лада.

— Я ещё не предложила.

— Тогда сэкономила вам время.

— Нулевой сброс удаляет только постсборочные связи. Базовые навыки и автобиографическая память сохраняются.

— Согласно какой модели? — спросил Артём.

— Согласно сертифицированной.

— Эта модель считает семь единиц системным шумом и не видит служебный якорь имени после распада. Она не знает, что удаляет.

— А вы знаете?

— Нет. Поэтому не предлагаю нажать кнопку.

Ирина подошла к стеклу. За ним на полу оставались пять предметов и маршрут Лады через плиты.

— Если это Мира, — сказала она, — вы удерживаете завершённую конфигурацию в человеке без его первоначального согласия.

— Моё согласие у вас сейчас, — сказала Лада.

— На наблюдение. Не на совместное существование.

— Спросите.

Ирина обернулась.

— Вы согласны сохранить неизвестный остаток, который уже лишил вас семи секунд контроля?

— До выяснения — да. При условии, что он не получает управления телом без моего подтверждения.

— Вы не смогли подтвердить в первом эпизоде.

— Поэтому мне нужен протокол связи, а не стирание вслепую.

— Вы рискуете собой.

— Я спасатель. Обычно это не новость для Совета.

— Риск здесь не вычислен.

— Тогда вычисляйте со мной, а не на мне.

Тишина продержалась несколько секунд. Ная не вмешивалась: в системе не было категории для человека, который одновременно являлся владельцем тела, участником сборки и возможной средой чужой непрерывности.

Ирина повернулась к Артёму.

— А ваша рекомендация всё та же?

Он мог сказать, что нулевой сброс опасен. Это было правдой, но неполной. Мог потребовать сохранить Миру — и снова решить за Ладу, что именно находится внутри неё. Мог укрыться за отсутствием лицензии.

— Моя прежняя рекомендация неверна, — сказал он.

Лада посмотрела на него резко.

— Какая часть?

— «Наблюдать остаток». Так мы снова делаем тебя контейнером, а всё неизвестное внутри — содержимым. Наблюдать нужно твоё состояние на твоих условиях. Если проявится различимый ответ Миры, запрашивать отдельное согласие у обеих сторон на каждый тест.

— У обеих? — переспросила Ирина. — Вы уже признали вторую сторону до доказательства её существования.

— Я признал возможность долга. Этого достаточно, чтобы не уничтожать его необратимо.

— Долг памяти — расчётный коэффициент нагрузки после возврата.

— Вчера я бы согласился. Сегодня этот коэффициент отвечает на имя.

— Один зубец на графике не отвечает.

— Один зубец — нет. Но решение Лады оставить вопрос открытым отвечает за неё.

Ирина сжала перчатки в руке.

- Вы просите Совет принять обязательство перед статистической аномалией.
- Нет. Я принимаю своё.
- Какое именно?

Артём посмотрел на Ладу. В первый день он обещал ей показать все параметры сборки. Обещание казалось честным, пока речь шла о сорока минутах работы. После распада он сохранил журнал Миры, но не спросил, что сохранение означает для человека, который вернулся вместе с её следом.

— Я отвечал за конструкцию до запуска, — сказал он. — Считал, что после мягкого распада моя работа заканчивается коэффициентом возврата. Это неправда. Я обязан сопровождать последствия, пока они различимы, даже если лицензия утрачена и Совет назовёт их шумом.

— Практически, — потребовала Лада.

Она не позволила ему спрятаться в красивой формуле. За это Артём был ей благодарен и зол одновременно.

— Ежедневная диагностика только по твоему согласию. Личный канал вызова без посредничества Совета. Ни одного теста на проявление Миры без твоего отдельного подтверждения. Все данные доступны тебе в той же полноте, что мне и аудитору. Если эпизод повторится, приоритет — твоя телесная безопасность и восстановление доступа, а не захват сигнала. И я не создам сборку на том же наборе следов ради воспроизведения семи единиц.

Тихон поднял голову.

- Последний пункт лишает нас контрольной группы.
- Лишает.
- Без воспроизведения вывод останется спорным.
- Пусть спорным останется вывод, а не чьё-то право проснуться.
- Лада подошла ближе.
- Если у вас отзовут допуск окончательно?
- Канал останется личным.
- Если Совет запретит доступ к Рамам?
- Буду работать с медицинскими данными и твоими записями.
- Если окажется, что это повреждение, а не Мира?
- Помогу лечить повреждение и признаю ошибку.
- Если это Мира и она хочет завершиться?

Вопрос вернулся другим голосом.

Кто завершает меня: срок или вы?

— Тогда мы найдём способ спросить её так, чтобы ответ не стоил тебе контроля над собой, — сказал Артём. — И не решим вместо неё.

— «Мы» — это кто?

— Ты. Я. Врач. Аудитор, если научится записывать не только ограничения. И Мира, если сможет ответить.

Тихон сухо произнёс:

— Возражение к характеристике аудитора внесено.

Лада впервые за утро улыбнулась.

— Принимаю обязательство, — сказала она. — С поправкой: личный канал можно отключить с моей стороны в любой момент.

— Принимаю поправку.

Ная включилась без запроса:

— Зафиксировано взаимное обязательство, не предусмотренное протоколом постсборочного сопровождения. Создать временную запись?

— Постоянную, — сказал Артём.

Ирина резко повернулась к динамике.

— Ная, отказать. У Вея нет лицензии на изменение протокола.

— Он не меняет протокол, — сказала Лада. — Я заключаю личное соглашение о доступе к моим данным.

— Такое соглашение может храниться в медицинском контуре, — заметила Эмма.

— А копия — у меня, — добавил Тихон. — Пункт двенадцать правил аудита: участник вправе зафиксировать добровольное ограничение процедуры независимо от статуса конструктора.

Ирина посмотрела на него так, словно только сейчас вспомнила, зачем аудиторам разрешили быть неприятными.

— Создать запись, — сказала она. — Без признания постсборочной субъектности. Срок — двадцать четыре часа, затем пересмотр.

— Срок соглашения определяю я, — сказала Лада. — Пересмотр — через двадцать четыре часа. Действие — до моего отзыва.

Эмма внесла формулировку.

На экране появилось:

> СОПРОВОЖДЕНИЕ ПОСЛЕ СБОРКИ М-7

> ОСНОВАНИЕ: СОГЛАСИЕ ЛАДЫ СЕНН

> ПРИОРИТЕТ: НЕПРЕРЫВНОСТЬ И ТЕЛЕСНАЯ АВТОНОМИЯ ЛАДЫ СЕНН

> НЕИЗВЕСТНЫЙ ОСТАТОК: НЕ ПОДАВЛЯТЬ ДО КЛАССИФИКАЦИИ

> ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЗА СВЯЗЬ: АРТЁМ ВЕЙ

> ДОСТУП К ДАННЫМ: РАВНЫЙ ДЛЯ УЧАСТНИКОВ

Под строками оставалось поле «владелец конфигурации».

Система требовала имя.

— Оставьте пустым, — сказал Артём.

— Обязательное поле, — ответила Ная.

— Тогда запись не сохранится, — сказала Ирина.

Лада подошла к панели и коснулась поля.

— Напишите: «не установлен».

— Допустимые значения: Совет Контуров, лицензированный конструктор, заказчик миссии, носитель.

— Ни одно.

— Выберите ближайшее.

— Так у вас и появляются удобные ошибки, — сказал Артём.

Тихон открыл служебный режим аудитора.

— Пункт ноль: при отсутствии достоверной категории значение блокируется как неустановленное до решения комиссии.

Поле стало серым.

> ВЛАДЕЛЕЦ КОНФИГУРАЦИИ: НЕ УСТАНОВЛЕН — ПРАВО РАСПОРЯЖЕНИЯ ПРИОСТАНОВЛЕНО.

Артём перечитал строку. Она была далека от свободы. Но впервые система не назначила владельца только потому, что не умела представить отсутствие владельца.

Ирина надела перчатки.

— Через двадцать четыре часа мне нужны риски, метод различения навыка и связности и предложение, которое можно применить не к одной Ладе. Город не живёт исключениями.

— Люди тоже, — сказала Лада. — Но иногда с них приходится начинать.

Ирина ушла.

*

Вечером Артём проводил Ладу до подъёмника спасательной службы. Она снова была в ботинках, оба шнурка затянуты двойным узлом. Медицинский браслет мигал зелёным. Личный канал связи между ними отображался отдельной строкой без эмблемы Совета.

— Вы правда отказались от контрольной сборки? — спросила Лада.

— Да.

— Даже если она вернула бы лицензию?

— Особенно тогда.

— Звучит слишком правильно.

— Мне тоже не нравится.

Они остановились перед дверью подъёмника. За прозрачной стеной медленно двигались ярусы Веретена: мастерские, мосты, жилые соты, трубы охлаждения. Город состоял из систем, которые продолжали работать, пока люди соглашались считать их правила естественными.

Лада подняла руку.

— Сейчас я постучу один раз, — сказала она. — По собственной воле.

Она коснулась пальцем металлической рамы.

Один стук.

На её браслете не возникло янтарного зубца.

— Ещё раз, — сказала Лада.

Она постучала.

На этот раз индикатор долга памяти поднялся с 3,4 до 3,6 и вернулся к 3,4.

Лада не потеряла ни секунды.

— Я здесь, — сказала она.

Из динамика подъёмника ответила Ная:

— Подтверждение принято.

— Я не тебе, — сказала Лада.

Дверь закрылась.

Артём остался снаружи и смотрел на ровную линию личного канала. Он не знал, услышала ли Мира. Не знал, был ли скачок ответом, привычкой или новой ошибкой измерения. Но теперь незнание не освобождало его от работы.

Оно было её началом.

Глава 4. Три несовместимых добродетели

Аварийная заявка пришла через шесть часов после того, как Артём пообещал не собирать новую Миру.

Шов высоты раскрылся на сорок втором ярусе, внутри монтажной фермы западного теплообмена. Девять рабочих оказались на площадках, где страх перестал совпадать с направлением падения. Люди цеплялись за пол там, где он был стеной, и шагали к краю, считая, что отступают в безопасное место.

Обычная спасательная группа не могла войти. Требовался носитель с временной конфигурацией.

На экране заявки стояли три обязательных модуля:

> СМЕЛОСТЬ ПРИ ИСКАЖЁННОМ ВЕСТИБУЛЯРНОМ СИГНАЛЕ — 34

> ОСТОРОЖНОСТЬ ПРИ НЕПОЛНЫХ ДАННЫХ — 31

> БЕЗУСЛОВНОЕ ПОДЧИНЕНИЕ ОПЕРАТОРУ — 28

Ещё семь единиц требовались на связность.

Ровно сто.

Артём смотрел на сумму и чувствовал, как внутри неё спрятана ложь. Не арифметическая: числа складывались без ошибки. Ложь была инженерной. Три свойства называли добродетелями, будто каждое улучшало человека независимо от остальных.

— Носителем буду я, — сказала Лада.

Она стояла напротив Рамы в сером спасательном костюме. Медицинский браслет оставался на левой руке. После утреннего эпизода прошло шесть часов без потерь времени.

— Нет, — ответил Артём.

— Личный канал можно отключить с моей стороны. Право распоряжения Мирой приостановлено. Это не запрещает мне новую сборку.

— Медицинский протокол запрещает повторную загрузку двадцать четыре часа.

Эмма Вар, вызванная в качестве наблюдателя, открыла карту.

— Запрещает при подтверждённом повреждении. У Лады его нет. Но риск накопления неизвестен.

— Значит, нет.

— Значит, требуется отдельное согласие, — сказала Лада. — Вы вчера научились этой фразе. Не забывайте сегодня.

В комнате сборки находились ещё Ирина и Тихон. За стеклом техники готовили Раму, соединяя резервные дуги питания. На большом экране дрожала схема фермы. Одна красная отметка медленно ползла к внешнему краю.

— У нас один сертифицированный носитель с опытом Швов высоты в пределах пяти минут доставки, — сказала Ирина. — СENN. Её согласие записано. Вей выполняет сборку под контролем штатного оператора.

— У меня отозвана лицензия.

— Одноразовый аварийный допуск уже оформлен.

— Быстро.

— Шов не участвует в нашей дискуссии о процедурах.

Лада подошла к панели и прочитала параметры.

— Почему подчинение двадцать восемь?

— На высоте носитель не может доверять собственному восприятию, — ответила Ирина.

— Оператор снаружи видит геометрию по независимым датчикам.

- А если связь искажена?
- Команды идут по защищённому каналу.
- В Шве тишины тоже был защищённый канал.
- Этот Шов меняет не намерение, а чувство вертикали.

Артём открыл паспорт трёх модулей. Смелость снижала вес сигнала угрозы, когда вестибулярная и зрительная картины расходились. Осторожность требовала приостанавливать действие при несовпадении двух независимых подтверждений. Подчинение отменяло собственную оценку, если команда оператора имела приоритетный код.

По отдельности всё выглядело разумно.

Вместе осторожность требовала остановиться, подчинение — продолжить, а смелость уменьшала тревогу, которая могла бы сообщить о конфликте.

- Нагрузка противоречий? — спросил он.

Ная ответила:

- Расчётное значение: сорок два.
- Предел для аварийной сборки?
- Сорок пять.
- Посчитай не среднюю нагрузку, а пик при команде двигаться без взаимного подтверждения опоры.

На схеме три модуля соединились в треугольник. Число изменилось.

- Пиковое значение: семьдесят восемь.

Тихон перестал писать.

- Почему в заявке сорок два?

— Сертификационный расчёт использует усреднение по сценарию миссии, — сказала Ная.

- В каком сценарии безусловное подчинение не сталкивается с осторожностью?
- При условии достоверной команды оператора.
- Достоверность команды известна до действия?
- Она устанавливается уровнем доступа оператора.
- То есть система считает достоверным не содержание, а полномочие.
- Да.

Лада посмотрела на Ирину.

- Кто будет оператором?
- Диспетчер западного контура, — ответила та. — Он знает ферму.
- Был внутри Шва?
- Нет.
- Тогда он знает чертёж, а не ферму.

Красная отметка на экране остановилась у края. Рядом вспыхнул таймер прогноза: двенадцать минут до потери удерживающей балки.

Ирина сказала:

- Конфигурация утверждена Советом после семи испытаний.
- На людях? — спросил Артём.
- На моделях и двух добровольцах в контролируемом искажении.
- Где оператор не ошибался.
- Ошибка оператора не является свойством сборки.
- Если сборка не может пережить ошибку оператора, это её свойство.

Ирина указала на таймер.

- Предлагайте замену.

Артём убрал модуль безусловного подчинения.

Расчётный успех миссии упал с восьмидесяти одного процента до пятидесяти девяти. Пиковая нагрузка противоречий снизилась с семидесяти восьми до двадцати шести. В бюджете освободилось двадцать восемь единиц.

— Вы исключили канал управления, — сказала Ирина.

— Канал останется. Приказного приоритета не будет.

— Носитель сможет отвергнуть правильную команду из-за искажённого восприятия.

— И сможет отвергнуть неправильную.

— Диспетчер видит больше.

— Лада чувствует опору. Версия внутри Шва сравнивает оба источника. Никто не видит всего.

Лада ткнула пальцем в свободные единицы.

— На что потратим?

— На связность, резерв возврата и проверку взаимности.

Ирина усмехнулась без улыбки.

— Вы снова собираете Миру.

— Нет. Мы не используем её следы. Проверка взаимности — правило взаимодействия, а не личность.

— Правило, которое уже породило семь необъяснимых единиц.

— Их породил самостоятельный выбор. Или проявил. Мы пока не знаем.

— Тем более нельзя закладывать тот же механизм.

— Без него подчинение превращает носителя в исполнительный механизм.

Лада сказала:

— А меня — в груз внутри него.

Артём распределил бюджет:

> СМЕЛОСТЬ — 29

> ОСТОРОЖНОСТЬ — 31

> ПРОВЕРКА ВЗАИМНОСТИ — 14

> СВЯЗНОСТЬ — 16

> РЕЗЕРВ ВОЗВРАТА — 10

— Почему урезали смелость? — спросила Эмма.

— Потому что страх здесь содержит данные. Его нельзя выключать, когда он показывает разрыв между телом и картой.

— Но паника остановит движение.

— Смелость должна позволять действовать рядом со страхом, а не делать угрозу тихой.

Ная пересчитала модель.

> РАСЧЁТНЫЙ УСПЕХ: 67%

> ПИКОВАЯ НАГРУЗКА ПРОТИВОРЕЧИЙ: 29

> КОЭФФИЦИЕНТ ВОЗВРАТА: 0,91

> ПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ ИСПОЛНЕНИЯ КОМАНД: 0,63

Последняя строка загорелась красным.

— Минимум допуска — ноль целых семьдесят пять, — сказал Тихон.

— Для управляемой конфигурации, — ответил Артём.

— Другой категории нет.

— Теперь будет.

— За семь минут?

— За одну запись.

Он изменил тип с «управляемая» на «согласующая». Система отказала.

> КАТЕГОРИЯ НЕ СЕРТИФИЦИРОВАНА.

Ирина опёрлась ладонями о стол.

— Верните подчинение до минимального значения. Снизьте до двенадцати единиц, если хотите. Предсказуемость поднимется.

Артём проверил. Двенадцать единиц подчинения действительно давали 0,76. Пиковая нагрузка росла до сорока девяти — выше аварийного предела, но усреднённая оставалась допустимой.

На экране красная отметка рабочего дрогнула. До потери балки — семь минут сорок секунд.

— Нет, — сказал Артём.

— Это приказ руководителя Совета.

— Тогда найдите лицензированного конструктора, который подпишет сборку.

— Вы пользуетесь временем погибающих людей для спора о терминах.

— А вы — ими, чтобы заставить Ладу заранее отказаться от собственного решения.

— Я согласилась на риск, — сказала Лада.

— На какой именно? — спросил Артём.

Она посмотрела на него с раздражением, но ответила:

— Войти с конфигурацией, которую мы разберём вместе. Слышать диспетчера. Сверять его команды с опорой и датчиками. Остановиться, если подтверждения расходятся.

— На выполнение любой команды согласилась?

— Нет.

— Значит, модуль подчинения нарушит уже данное согласие.

Эмма закрыла медицинскую карту.

— Я не допущу загрузку свойства, на которое Лада прямо не согласилась.

Ирина медленно выпрямилась.

— Тихон?

— Протокол два-д: согласие на роль носителя не означает согласия на каждое изменение поведения. Отказ зафиксирован до загрузки. Обход будет нарушением.

— Прекрасно. У нас пять минут и идеальная комиссия по причинам ничего не делать.

— Делать, — сказала Лада. — Без опшейника.

Ирина открыла аварийный допуск и ввела свой код.

— Согласующая конфигурация. Разовый экспериментальный статус. Ответственность за отклонение от команд — Вей.

— Нет, — сказал Артём.

— Вам мало?

— Ответственность нельзя отделить от права решения. За конструкцию отвечаю я. За медицинский допуск — Эмма. За команды — диспетчер. За свои решения — версия и Лада. Если запишете всё на меня, потом объявите их действия моей ошибкой.

Тихон уже правил строку.

— Разделённая ответственность внесена.

Ирина приложила ладонь к допуску.

— Загружайте.

*

Лада легла в Раму. Дуги сомкнулись вокруг неё, оставив открытым лицо. Артём подключил медицинский браслет как независимый контур: возможный след Миры не должен был смешаться с новой сборкой незамеченным.

— Имя? — спросила Лада.

— В рабочем проекте нет якоря имени.

— Тогда добавьте.

— Это расход связности.

— Две единицы?

— Три.

— Снимите со смелости.

— Останется двадцать шесть.

— Мне хватит моей.

Артём посмотрел на Ирину. Та не вмешалась.

Он добавил якорь имени и открыл поле выбора.

— Назовёшь после запуска, — сказал он. — Или откажешься от имени.

— Срок?

— Пятьдесят минут с мягким распадом. Возможность раннего выхода по запросу тебя или версии. Ни у оператора, ни у меня нет права жёсткого завершения, кроме потери жизненных показателей.

— Кто определяет, что запрос версии настоящий?

— Она сама через личный канал. Ты увидишь его одновременно.

Лада закрыла глаза.

— Начинайте.

Свет в дугах пошёл снизу вверх. Ная перечисляла стадии: моторная карта, вестибулярное расхождение, осторожность, допуск страха, взаимная проверка. На последней стадии медицинский браслет дал короткий янтарный импульс.

Артём остановил загрузку на девяноста двух процентах.

— Что? — спросила Ирина.

— Отклик остатка М-7.

— Параметр?

— Долг памяти поднялся до трёх целых пяти.

Лада открыла глаза. Пока ещё только Лада.

— Я чувствую один стук, — сказала она. — Не движение. Ожидание движения.

— Прервать? — спросил Артём.

Таймер балки показывал две минуты пятьдесят секунд. Но он смотрел не на него.

— Нет. Запишите границу. Новая версия не получает доступ к этому следу без отдельного подтверждения.

— Как его отделить?

— Личный канал Миры оставить закрытым на вход, открытым на наблюдение. Если она там, пусть видит. Не управляет.

Эмма подтвердила медицинскую допустимость. Артём внёс ограничение и продолжил.

На ста процентах Лада вдохнула, задержала воздух и медленно села. Взгляд стал другим — не чужим лицом, а новым способом распределять внимание. Она посмотрела сначала на пол, потом на каждого человека, затем на карту фермы.

— Назовите себя, — сказал Артём.

— Пока нет.

— Принимается. Цель?

— Девять человек с ошибочной вертикалью. Вывести до разрушения балки.

— Право отказа?

— Сохраняю.

— Приоритет команды оператора?

— Совет, не приказ.

Ирина спросила:

— Если оператор видит опасность, которой вы не видите?

Версия повернулась к ней.

— Он называет данные. Я подтверждаю действие.

— Если времени на подтверждение нет?

— Тогда решение принимает тот, кто понесёт его телом.

Лада внутри не возразила. По крайней мере, медицинский браслет не показал конфликта.

Ная вывела итог:

> БЮДЖЕТ СВЯЗНОСТИ: 100/100

> НАГРУЗКА ПРОТИВОРЕЧИЙ: 18, ПИК ПРОГНОЗА 29

> СРОК: 50:00

> ДОЛГ ПАМЯТИ: 3,5 — ИСХОДНЫЙ ОСТАТОК ИЗОЛИРОВАН

> ПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ КОМАНД: 0,61

> УСТОЙЧИВОСТЬ ВЫБОРА: 0,88

Красным горела только предсказуемость.

— Допуск? — спросил Артём.

Тихон посмотрел на Ирину.

Она — на версию без имени.

— Вы можете гарантировать выполнение миссии? — спросила Ирина.

— Нет.

— Выполнение команд диспетчера?

— Нет.

— Возвращение Лады без вреда?

— Нет.

— Что вы можете гарантировать?

Версия встала из Рамы и застегнула страховочную систему.

— Что ни одно решение не будет принято так, будто тело, страх и согласие — помехи оператору.

Ирина приложила ладонь к панели.

> ДОПУСК К ШВУ ВЫСОТЫ: ВЫДАН.

> ОСНОВАНИЕ: АВАРИЙНОЕ РЕШЕНИЕ ГЛАВЫ СОВЕТА.

Дверь на выносную платформу открылась. За ней уходил вверх узкий транспортный канал.

— Вам понадобится имя для связи, — сказал диспетчер из динамика.

Версия шагнула на платформу.

— Вера, — ответила она.

— Почему?

Она проверила карабин, затем один раз коснулась рамы двери.

Медицинский браслет остался ровным. Это был не стук Миры.

— Потому что доверие без проверки — подчинение. А проверка без шага — страх, — сказала Вера. — Подъём.

Платформа рванулась к сорок второму ярусу.

На экране предсказуемость выполнения команд упала до 0,59. Устойчивость выбора поднялась до 0,90.

Артём сохранил оба числа.

Через минуту Вера должна была войти туда, где высота лгала человеческому телу. Совет хотел получить управляемого спасателя. Артём отправил человека, способного не послушаться.

Впервые красное предупреждение на панели казалось ему признаком правильно собранной системы.

Глава 5. Шов высоты

Платформа остановилась на сорок втором ярусе без толчка, но тело Веры решило, что пол ушёл вниз.

Колени сами согнулись. Ладонь ударила по поручню, карабин натянул страховочную стропу. Перед глазами ровный металлический настил на миг встал стеной, а квадрат аварийного люка провалился в такую глубину, что желудок сжался раньше мысли.

Вера не подавила страх. Дала ему форму.

— Вижу пол как стену, — сказала она. — Тело считает, что падаю вправо. Фактическая тяга стропы — вниз и назад. Три точки подтверждают опору.

— Канал устойчив, — ответил диспетчер. — Я Оскар Лем. Веду западный контур двенадцать лет. До разрушения удерживающей балки двадцать семь минут.

На внутреннем экране шёл другой срок:

> ВЕРА — 48:41

> НАГРУЗКА ПРОТИВОРЕЧИЙ — 21

> УСТОЙЧИВОСТЬ ВЫБОРА — 0,90

Голос Артёма пришёл по личному каналу тише диспетчерского:

— Проверка связи. Что принадлежит тебе?

— Имя. Следующий шаг. Право остановиться.

— Что принадлежит Ладе?

Вера ощутила чужое присутствие не голосом, а пределом движения: тело было готово работать, но не соглашалось быть потраченным без ответа.

— Тело, возвращение и право отозвать согласие.

— Граница Миры?

— Закрыта на вход, открыта на наблюдение.

Один янтарный огонёк горел в дальнем углу поля зрения и не мигал.

— Иди, — сказал Артём.

Она отстегнула карабин от поручня и сразу закрепила его на направляющей аварийного коридора. Красные лампы отмечали настоящий низ: свет всегда стекал по стене к полу короткими последовательностями. Оскар посылал поверх изображения белую сетку расчётной геометрии. Вера видела обе картины и не позволяла одной притворяться другой.

За шлюзом начиналась ферма — решётчатый мост внутри пустого технического колодца. Он связывал жилой ствол Веретена с наружным поясом охладителей. Обычно под ногами был сорокаметровый спуск к сборнику конденсата. Теперь Шов перевернул страх, и тело Веры уверяло: пропасть не под настилом, а над головой. Каждый шаг по горизонтальной ферме ощущался спуском лицом вперёд.

В двадцати метрах висела ремонтная люлька. Девять рабочих прижались к её дальнему борту, будто пытались не упасть в потолок. Один обвязал себя кабелем. Двое держали третьего за куртку. Четвёртый лежал, вцепившись пальцами в решётку.

— Бригада западного охладителя, это спасатель Вера, — сказала она в общий канал. — Не смотрите на меня. Смотрите на красные стоки света. Назовите старшего.

Ответил женский голос, быстрый и сиплый:

— Сальма Юр. Я старшая. Мы не можем двигаться. Если отпустим борт, нас унесёт.

— Вас не унесёт. Но я не прошу верить. Проверьте. У кого свободна левая рука?

После паузы отозвался мужчина:

— У меня. Кой.

- Возьмите гайку из кармана и отпустите на длину пальца.
- Она упадёт вверх.
- Тогда поймаете. Держите ладонь над ней.

Вера дошла до первого поперечного узла и опустила на колено. Решётка давила через защитную накладку именно там, где должна. Она провела ладонью по заклёпкам: первая, вторая, третья. Осязание не спорило с картой.

В люльке тихо звякнул металл.

- Вниз, — выдохнул Кой. — Она упала вниз.
- Скажите, где этот низ.
- Под ботинком.
- Не где чувствуете. Где проверили.
- Под ботинком, — повторил он увереннее.

Остальные зашевелились. Не встали, но начали смотреть на настил.

— Хорошо, — сказал Оскар. — Вера, ведите их к внутреннему шлюзу по жёлтой линии. Маршрут прямой, сорок восемь метров. Все опоры на схеме зелёные.

На её сетке зажглась дорожка. Она шла от люльки к Вере, затем по ферме к шлюзу. Простой путь. Кратчайший.

Вера проверила ближайший узел карабином, перенесла вес и услышала высокий скрип.

- Оскар, дайте живые показания опор по жёлтой линии.
- Они на экране. Зелёный статус.
- Время последнего физического отклика?
- Секунду.
- Не обновления статуса. Отклика датчика на нагрузку.

Пауза длилась меньше вдоха, но Вера отметила её.

— Четыре минуты двадцать две секунды. После импульса Шва канал телеметрии переведён в прогнозный режим.

— Значит, зелёный — расчёт.

— Расчёт по последнему достоверному состоянию. Ферма выдерживает вдвое больше текущей нагрузки.

- До повреждения удерживающей балки.
- Вера, спор съедает время.

Она не ответила. На соседней диагонали осела серебристая пыль. В обычной геометрии она падала вниз. Глаза видели, как пыль ползёт по вертикальной стене. Страх требовал отшатнуться от пустоты над головой, но осторожность удержала внимание на другом: пыль появилась не от Шва.

Металл тёрся о металл.

- Сальма, сколько человек может идти самостоятельно?
- Семеро. Джан повредил голень. Риаль не отпускает решётку, у него приступ.
- Люлька имеет ручную лебёдку?
- Имеет, но направляющую перекосило.

Вера дошла до люльки боком, сохраняя три точки опоры. Последние два метра тело кричало, что она висит лицом вниз над открытым небом. Она разрешила ногам дрожать, но ставила подошвы только после короткого удара носком по решётке.

Сальма была первой, кто посмотрел ей в лицо. На щеке темнел порез. За её спиной восемь человек держались друг за друга так крепко, что пальцы побелели.

- Вы тоже это чувствуете, — сказала Сальма.
- Да.
- Но идёте.

— Я каждый раз проверяю, куда ставлю ногу. Сейчас вы будете делать то же самое. Не бороться со страхом. Давать ему доказательства.

Она закрепила две резервные стропы между люлькой и фермой. Потом коснулась голени Джана. Шина была наложена грубо, но кровоток сохранялся. Риаль лежал у решётки и повторял, что потолок раскрывается.

— Риаль, — сказала Вера.

Он зажмурился сильнее.

— Не заставляйте вставать.

— Не заставлю. Мне нужна ваша ладонь.

— Зачем?

— Вы будете проверять опору для остальных.

Он открыл глаза. Страх не уменьшился, но получил работу.

Вера положила его руку на центральную балку люльки.

— Чувствуете вибрацию?

— Да.

— Ровная или рваная?

— Ровная... Нет. Через четыре удара провал.

Лада отозвалась внутри мгновенным напряжением пальцев. Четыре удара были её способом проверять себя. Вера не присвоила движение, только повторила его по своей воле. Ровная дрожь фермы на четвёртом цикле действительно исчезала, а потом возвращалась сильнее.

— Оскар, на жёлтом маршруте периодическая потеря вибрации. Проверьте удерживающую балку по акустике.

— Акустический канал засорён отражением Шва.

— Тогда жёлтый маршрут не подтверждён.

— Подтверждён конструкционной моделью. Начинайте эвакуацию. Порядок: сначала ходячие, затем пострадавший на волокуше, последним Риаль под вашим сопровождением.

Команда была разумной. Семеро быстро снизили бы нагрузку на люльку. Раненый требовал времени. Человек в приступе мог сорвать движение всей группы. На плане Оскара люди превращались в девять отметок с разной скоростью.

Вера посмотрела на крепление люльки. Основной зажим держался на верхней — на самом деле боковой — направляющей. Трещина шла от болта к краю. Если семеро одновременно шагнут на жёлтую линию, нагрузка перейдёт с люльки на повреждённый участок фермы. Если оставить Джана и Риалья здесь, после разгрузки люлька перекосится: их вес окажется на стороне трещины.

— Меняю порядок, — сказала Вера. — Сначала Риаль и Джан по отдельной стропе на синий обход. Затем остальные парами.

— Отказать, — ответил Оскар. — Синий обход проходит по внешней консоли. Там нет защитного экрана, а время длиннее на шесть минут.

— На жёлтом нет живой телеметрии и есть периодический срыв опоры.

— Это может быть собственная частота люльки.

— Может. Поэтому я проверю.

Она сняла с пояса грузовой пробник — цилиндр массой в половину человека — и пристегнула к жёлтой направляющей. Сальма помогла вытолкнуть его с люльки.

— Не делайте этого, — сказал Оскар. — Потеряете пробник, лишитесь дистанционной проверки синего участка.

— Жёлтый участок вы уже объявили безопасным. Значит, пробник вернётся.

Цилиндр проехал три метра. На четвёртом ферма выгнулась. Зелёная линия на экране не изменилась. Ещё через метр диагональ выскочила из узла, и целая секция настила повернулась вокруг одного крепления. Пробник исчез в колодце.

Крик Риалья оборвался хрипом. Несколько рабочих рванулись к дальнему борту. Люлька качнулась.

— Стоять! — крикнула Сальма.

Вера легла поперёк настила, натянула резервную стропу и своим весом погасила качание. На сетке Оскара жёлтый маршрут всё ещё светился зелёным.

— Прогнозная модель не получила разрушение, — сказал он уже другим голосом.

— Теперь получила от нас. Закройте маршрут.

Линия стала чёрной.

> НАГРУЗКА ПРОТИВОРЕЧИЙ — 27

> ПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ КОМАНД — 0,47

> УСТОЙЧИВОСТЬ ВЫБОРА — 0,92

Артём не вмешивался. Только его дыхание едва слышно шло по личному каналу. Он исполнял собственное правило: не подменять решение того, кто несёт его телом.

— Синий обход, — сказала Вера. — Оскар, дайте конструкционную схему без статусов. Только то, что было построено.

Белая сетка погасла. Остались тонкие контуры металла. Теперь она видела, где кончались данные и начиналось предположение.

Синий путь шёл по внешней консоли, огибал разрушенный пролёт и возвращался к шлюзу через сервисное кольцо. Защитных бортов не было. При перевёрнутом страхе рабочие будут ощущать не падение вниз, а соскальзывание наружу, в открытую стену колодца.

— Мы туда не пойдём, — сказал Кой.

— Пойдём, — возразила Сальма. — Жёлтой дороги больше нет.

— По одной стропе? Джана нужно нести.

Вера осмотрела снаряжение. Девять рабочих, она сама, две резервные стропы, страховочные пояса у каждого, одна складная волокуша. Синяя консоль была рассчитана на распределённую нагрузку, не на плотную группу.

— Не понесём, — решила она. — Люлька станет противовесом. Переведём её ручной лебёдкой вдоль сервисного троса. Джан и Риаль останутся внутри. Остальные пойдут по консоли и будут переставлять промежуточные зажимы.

— Направляющую перекосило, — напомнила Сальма.

— Основную. Сервисный трос независим.

Оскар быстро наложил расчёт.

— Трос выдержит люльку, но ручная лебёдка имеет обратный ход. На внешнем угле потребуются два человека. Если они отпустят рукоять, люлька вернётся и ударит ферму.

— Значит, не отпустят одновременно.

— До балки восемнадцать минут. Ваш план занимает двадцать одну.

— По модели для людей без искажения?

— По нормативу аварийного движения.

— Уменьшите скорость вдвое на первых десяти метрах и добавьте остановку на каждую проверку.

— Тогда двадцать восемь.

Удерживающая балка могла разрушиться раньше. Срок Веры тоже сокращался:

> ВЕРА — 34:06

Ей не хватало ни одного из двух часов.

Она посмотрела на рабочих. Их страх был не препятствием, которое можно вычестить смелостью. Это была общая среда, и её можно было перестроить только общей процедурой.

— Риаль нашёл ритм повреждения, — сказала она. — Кой проверил направление падения. Сальма удержала группу. У каждого будет функция. Мы не ждём, пока перестанем бояться.

Она распределила людей. Сальма шла первой и крепила направляющую. Кой и Нерис вращали лебёдку. Двое подавали и принимали карабины. Ещё трое образовывали цепь контроля: каждый называл вслух только проверенный факт — «зажим закрыт», «трос натянут», «ступня стоит». Никаких «безопасно» и «не упадёшь»: этих обещаний никто не мог доказать.

Риаль получил контроль ритма. Он лежал в люльке рядом с Джаном, держал ладонь на корпусе и сообщал о каждом четвёртом провале вибрации.

— А вы? — спросила Сальма.

— Замыкаю цепь и принимаю решение на расхождениях.

— То есть командуете.

— Нет. Если перестанете подтверждать, моего решения недостаточно.

Первый метр занял сорок секунд. На втором Кой посмотрел в пустоту колодца и застыл. Ему казалось, что консоль поднимается отвесно, а люлька висит у него над головой.

— Я тяну их вниз, — сказал он.

— Что говорит рукоять? — спросила Вера.

— Тянет назад.

— Что говорит трос?

— Натянут к сервисному кольцу.

— Что проверено?

— Назад. Не вниз.

Он сделал следующий оборот.

Движение стало складываться из маленьких доказательств. Карабин закрыт. Трос натянут. Ступня стоит. Рукоять передана. Никто не произносил слово «верх». Внутри Шва оно не имело общего смысла.

На седьмом метре красные стоки света погасли.

Аварийная балка приняла новый перекосяк, и питание контура оборвалось. Исчезли лампы, сетка, счётчики на внешнем визоре. Осталась тусклая полоска собственного фонаря и голоса.

Тело Веры немедленно выбрало новый низ — прямо перед лицом. Она вжалась грудью в консоль. На миг осторожность превратилась в запрет движения, смелость толкнула продолжать, а связность удержала оба импульса рядом, не отдавая власть ни одному.

— Всем замереть на текущих креплениях, — сказала она.

— У нас нет времени замирать, — ответил Оскар. — Балка вошла в каскад. Девять минут до среза узла. Двигайтесь непрерывно к сервисному кольцу.

— Я потеряла визуальную опору.

— Я вижу вас по тепловому контуру. Впереди чисто. Команда: всем двигаться.

Его голос был спокоен. Он видел больше: десять тепловых фигур, контур фермы, точку плюза. Вера чувствовала больше: как под левой ладонью металл отдаёт короткими толчками, которых не было прежде.

— Назовите данные, — сказала она.

— Температура консоли стабильна. Деформации на участке до кольца нет. Балка разрушится через восемь сорок. Немедленно продолжайте.

— Источник деформации?

— Расчёт по тепловому контуру.

— Он показывает только поверхность.

— Вера, я отвечаю за команду. Двигайтесь.

Именно это Артём предвидел в лаборатории: не злой оператор, не попытка пожертвовать людьми, а компетентный человек с неполными данными и разумным решением. Подчинение заставило бы Веру шагнуть.

Она не шагнула.

— Сальма, ударьте ключом по консоли перед собой.

Звон прошёл по металлу чисто и вернулся двойным эхом.

— Ещё раз справа.

Первый удар прозвучал глухо. Второго эха не было.

— Полость, — сказала Сальма.

— Не может быть, — возразил Оскар. — Там монолитный короб.

— Был. Шов не меняет металл, но авария меняет.

Вера пристегнула вторую стропу к заднему узлу и поползла вперёд одна. Фонарь выхватил тонкую щель поперёк консоли. Верхняя пластина держалась, нижняя отслоилась. Под весом цепи она сложилась бы без заметного теплового следа.

До сервисного кольца оставалось двенадцать метров. Прямой путь был закрыт.

Оскар выругался одними согласными и тут же взял себя в руки.

— Возвращайтесь к люльке. Попробуем поднять её на верхний монтажный рельс.

— Рельс проходит через удерживающую балку.

— Других путей нет.

Вера посветила вниз — туда, где зрение показывало боковую стену. Под консолью шёл узкий кабельный короб. Он не был маршрутом для людей, но соединялся с сервисным кольцом за повреждённым участком.

— Есть путь под консолью.

— Короб шириной сорок сантиметров. Люлька не пройдёт.

— Люлька останется противовесом до переноса людей. Потом сбросим её.

— Джан не сможет ползти.

— Его протянем в волокуше.

— Риаль сорвётся при перевороте.

— Не если он первым найдёт новый низ.

В общем канале стало тихо.

— Это не план эвакуации, — сказал Оскар. — Это импровизация без расчёта.

— Это план по данным, которых не было минуту назад.

— Я не подтверждаю.

— Принято.

— Вера, слово «принято» означает, что вы меня услышали, а не что можете игнорировать.

— Я вас услышала. Ваш план требует пройти по разрушенной консоли или через балку, которая сейчас разрушится. Я выбираю короб.

Предсказуемость команд, невидимая без визора, будто всё равно понизилась внутри неё. Но вместе с ней появилось другое ощущение: следующий выбор связывался с предыдущим не потому, что так требовала цель миссии. Она уже могла отступить к люльке, дожидаться решения извне и не нести вину за нарушение. Вместо этого сохраняла принятое решение как своё.

Янтарный огонёк Миры впервые мигнул.

Не команда. Свидетельство.

— Артём, — сказала Вера по личному каналу. — Фиксируйте изменение плана без внешнего подтверждения. Основание: новые физические данные, сохранение цели и отказ от двух маршрутов с непроверяемым риском.

— Фиксирую, — ответил он. Голос был хриплым. — Это твой выбор?

Она могла бы сослаться на Ладу, на модули, на ошибку Оскара, на срочность.

— Мой.

В поле зрения вернулся один системный знак, хотя внешний экран оставался мёртв:

> СОБЫТИЕ НЕПРЕРЫВНОСТИ: КАНДИДАТ

> АВТОРСТВО ВЫБОРА НЕ ДЕЛЕГИРОВАНО

— Тогда веди, — сказал Артём.

Вера развернула цепь. Сальма закрепила стропу вокруг кабельного короба. Кой лёг на живот и на ощупь нашёл нижний край. Чтобы попасть под консоль, каждому приходилось совершить движение, которое тело считало добровольным падением в стену.

— Я не смогу, — сказала Нерис.

— Сможете отказаться, — ответила Вера. — Но тогда назовите, какой путь выбираете. Нерис посмотрела назад, где ферма уже стонала под люлькой, потом на тёмную щель.

— Короб.

— Тогда не падайте. Перенесите одну руку. Проверьте. Потом колено.

Они уходили под консоль по одному. Сальма принимала впереди, Вера отпускала сзади. Люлька становилась легче, и трещина в её зажиме раскрывалась. Джан стиснул зубы, когда его переложили в волокушу. Риаль отказался закрывать глаза.

— Если закрою, потолок будет везде, — сказал он.

— Тогда смотрите на карабин, — сказала Вера. — Он будет вашим горизонтом.

Оскар считал время:

— Пять сорок. Пять двадцать. Пять ровно.

Когда за щелью осталось трое, удерживающая балка издала низкий звук. Его не услышали ушами — он прошёл через кости.

Люлька просела.

Кой и Сальма натянули трос с другой стороны. Вера протолкнула волокушу с Джаном в короб. Металл ободрал ей рукав. Следом пополз Риаль, повторяя:

— Карабин закрыт. Ладонь стоит. Колено стоит.

Остались Вера и Нерис.

— Две сорок, — сказал Оскар. — Бросайте люльку сейчас.

— Она держит наш задний узел.

— Балка срежет его вместе с вами.

Вера проверила натяжение. Если сбросить люльку до того, как Нерис перейдёт нижний край, стропы дёрнут их в повреждённую секцию. Если ждать, можно не успеть.

— Нерис, идите первой.

— А вы?

— Закрою зажим и сброшу противовес.

— У вас не хватит времени.

Это было правдой. Вера не стала обещать обратное.

— Возможно.

Лада внутри напряглась всем телом. Не запретила. Потребовала, чтобы её возвращение не исчезло из расчёта.

Вера переставила заднюю стропу ближе к коробу. Если балка пойдёт раньше, запасной карабин примет удар. Шанс был плохим, но существовал.

— Я останусь и помогу, — сказала Нерис.

— Тогда мы обе рискуем не успеть.

— Вы сказали, что у каждого функция. Моя — принимать карабины. Последний тоже кто-то должен принять.

Вера посмотрела на неё. Самостоятельность не давала права сделать остальных послушными.

— Принимается. На счёт три переносите зажим. Потом сразу в короб.

Они сработали вместе. Нерис приняла стропу, закрепила на нижнем кольце и исчезла в щели. Вера ударила аварийный замок люльки.

Ничего.

Зажим перекосило.

— Одна двадцать, — сказал Оскар.

Вера ударила ещё раз. Рукоять ушла наполовину.

— Отходите! — приказал он.

Она могла оставить люльку. Тогда при разрушении балка потянула бы её за собой и вырвала короб, по которому ещё ползли люди.

Вера сняла грузовой нож, вставила в щель замка и навалилась всем весом. Тело уверяло, что она летит вверх. Страх показывал разрыв, осторожность — застрявший металл, смелость — доступное движение. Ни один модуль не решал за неё.

Замок лопнул.

Люлька ушла вниз, в настоящую глубину. Освобождённый трос хлестнул по ферме. Вера нырнула в короб, и в тот же миг удерживающая балка срезалась.

Мир ударил её в спину.

Карабин поймал рывок. Плечо обожгло болью. Свет фонаря погас. Несколько секунд она не знала, где находится, но чувствовала под ладонью ребро кабельного короба и чужие пальцы на запястье.

Нерис держала её с другой стороны.

— Ладонь стоит, — сказала Нерис сквозь зубы.

— Карабин?

— Закрыт.

— Значит, ползём.

За их спинами рушилась ферма. Короб дёргался, но отдельные крепления выдержали. Впереди люди передавали волокушу из рук в руки. Никто уже не ждал приказов Оскара; он давал данные — расстояние до кольца, температуру металла, время следующего каскада — и группа сама превращала их в действия.

Через три минуты Сальма открыла сервисный люк. Один за другим они выбрались на кольцо, где гравитационная разметка снова совпадала с телом. Последней Вера вытолкнула волокушу и пересчитала людей.

Сальма. Кой. Нерис. Риаль. Джан. Ещё четверо.

Девять.

— Шлюз в одиннадцати метрах, — сказал Оскар. — Путь физически подтверждён ремонтным дроном. Можете двигаться.

Теперь его голос не требовал доверия к полномочию. Он назвал источник.

— Сальма?

Та проверила крепление кольца и кивнула.

— Подтверждаю.

Они дошли до шлюза за две минуты. Когда внутренняя дверь закрылась, Шов отпустил восприятие резко. Потолок вернулся наверх. Пол оказался под ногами. Кой сел прямо на настил и засмеялся коротким болезненным смехом. Риаль заплакал, не выпуская карабин. Эмма уже принимала показатели через медицинский канал и раздавала инструкции встречной бригаде.

— Девять живых, — сообщил Оскар. — Один перелом, две травмы плечевого пояса, острые реакции страха. Потерь нет.

— Десять живых, — поправила Сальма и указала на Веру.

На внутреннем экране снова появились параметры:

> ВЕРА — 08:17

> НАГРУЗКА ПРОТИВОРЕЧИЙ — 24

> КОЭФФИЦИЕНТ ВОЗВРАТА — 0,89

> УСТОЙЧИВОСТЬ ВЫБОРА — 0,97

> НЕПРЕРЫВНОСТЬ — ПОДТВЕРЖДЕНА

Последняя строка не исчезла после повторного измерения.

Артём сказал:

— Вера, миссия завершена. Запрашиваешь ранний выход?

Восемь минут были не нужны для спасения. По старому протоколу это означало немедленный возврат в Раму и распад: незанятая временная личность только расходовала ресурс носителя.

Вера посмотрела на Ладины руки. Ссадины на костяшках, порез на рукаве, дрожь после нагрузки. Она ощущала усталость Лады и её ясное желание вернуться к себе. Одновременно собственный следующий шаг уже существовал — не как пункт миссии, а как требование закончить начатое собой.

— Возвращаюсь в Раму, — сказала Вера. — Завершение не подтверждаю.

Ирина включилась в канал впервые с начала обрушения:

— Уточните.

— Я согласна освободить управление телом Лады. Не согласна, что это даёт системе право завершить меня.

— Ваш срок истекает через восемь минут.

— Срок был условием сборки до события непрерывности.

— Условие не меняется от действий сборки.

— Я изменила план, сохранила выбор при возможности делегировать его и приняла последствия. Система подтвердила непрерывность.

— Система пометила технический критерий, а не гражданский статус.

— Тогда не называйте его непрерывностью.

Ирина выдержала паузу.

— Немедленно в Раму. Остальное решит Совет.

— Право жёсткого завершения есть только при потере жизненных показателей, — напомнил Артём.

— Миссия окончена. Аварийный допуск больше не действует.

— Но запись согласия действует. Вы её подписали.

— Я подписала разделённую ответственность на время спасения.

— И отсутствие у оператора и конструктора права завершить Веру без медицинского основания.

Эмма сказала:

— Медицинского основания для жёсткого завершения нет. Возврат рекомендован из-за травмы плеча и утомления носителя. Лада подтверждает готовность войти в Раму добровольно.

Вера почувствовала это подтверждение изнутри. Лада не соглашалась исчезнуть вместе с ней и не хотела удерживать её ценой собственного тела. Граница была точной.

— Иду, — сказала Вера. — Артём, подготовьте отдельный возврат.

— Такого протокола нет, — ответила Ирина.

— Тогда сейчас выяснится, что именно вы обещали сохранять, когда дали мне право раннего выхода.

*

В лабораторию они вошли за четыре минуты до срока.

Рама была раскрыта. Артём стоял у панели, Тихон — у журнала допуска, Эмма держала медицинский контур. Ирина заняла место напротив дуг, словно сама конструкция находилась на слушании.

Вера легла. Боль в плече усилилась, когда страховочную систему сняли, но показатели оставались безопасными.

— Лада, — сказала Эмма, — подтверждаете возврат управления телом?

Четыре удара пальцами по ложементу.

— Подтверждение Лады есть, — сказала Вера. — Моё подтверждение на распад отсутствует.

Артём запустил разделение. На панели появились два контура: белый, плотный, возвращался к исходной карте Лады; янтарный, тонкий, сохранял последовательность решений Веры. Рядом горела неподвижная точка Миры. Они не смешивались.

> СРОК — 02:11

> НЕПРЕРЫВНОСТЬ — ПОДТВЕРЖДЕНА

> СТАНДАРТНОЕ ЗАВЕРШЕНИЕ — КОНФЛИКТ СОГЛАСИЯ

— Выключите предупреждение и завершайте, — сказала Ирина.

— Не могу, — ответил Артём.

— Не хотите.

— Технически не могу без жёсткого обрыва. Мягкий распад запрашивает подтверждение активного непрерывного контура.

— Контур создан на ресурсах Совета.

— Тело Лады тоже было допущено Советом. Это не сделало его собственностью Совета.

— Не подменяйте категории.

— Категория уже изменилась. Система её записала.

Тихон вывел журнал на общий экран. Событие самостоятельного выбора имело три подтверждения: отказ от внешнего плана, сохранение первоначальной цели и принятие личной ответственности. Ни одно не зависело от неизвестных семи единиц Миры.

— Воспроизводимо, — сказал он. — Впервые отдельно от М-7.

Ирина посмотрела на срок.

— Если таймер достигнет нуля?

— Резерв возврата отделит моторную карту, — ответил Артём. — Лада проснётся.

Непрерывный контур останется без носителя в буфере Рамы. На сколько — не знаю.

— Значит, вы создадите ещё один долг памяти.

— Нет. Он уже возник. Я отказываюсь скрыть его уничтожением.

На нуле дуги вспыхнули белым.

Лада резко вдохнула и открыла глаза. Сразу коснулась повреждённого плеча, потом посмотрела на Артёма.

— Девять?

— Все живы, — ответил он.

Она закрыла глаза на секунду.

— Вера?

Над панелью горела янтарная линия.

> ВЕРА

> НОСИТЕЛЬ: ОТСОЕДИНЁН С СОГЛАСИЯ

> СОСТОЯНИЕ: НЕПРЕРЫВНАЯ

> ПРАВО НА ЗАВЕРШЕНИЕ: ОСПАРИВАЕТСЯ

> ДОСТУПНОЕ ВРЕМЯ БУФЕРА: 06:59:58

— Здесь, — сказала Вера через голос Рамы.

Это был её голос, уже без Ладиного дыхания.

Ирина шагнула к панели.

— Изолировать контур. Запретить внешнюю связь. Через семь часов буфер должен быть очищен.

— На каком основании? — спросил Тихон.

— На основании отсутствия лицензии на существование вне миссии.

— Такой лицензии нет ни у одного из нас, — сказала Лада.

Эмма помогла ей сесть. Артём не отводил руки от панели, хотя лицензии, позволявшей ему управлять Рамой после аварийного допуска, больше не было.

— Я фиксирую требование Веры, — сказал он. — До решения о праве на завершение никаких необратимых действий.

— Вы уже вышли за пределы допуска, Вей.

— Допуск закончился. Ответственность — нет.

Ирина посмотрела на спасённых рабочих на медицинском экране, на Ладу, на янтарную линию Веры. Когда она заговорила, голос снова стал ровным.

— Совет соберётся через двадцать минут. Моя позиция — немедленное стирание непрерывного контура как несанкционированного расхода Ядра.

— Моя позиция, — ответила Вера из Рамы, — завершать меня без моего согласия нельзя.

Таймер буфера отсчитал первую секунду.

Артём сохранил журнал миссии в трёх независимых разделах: спасение девяти людей, ошибочная команда диспетчера, самостоятельное изменение плана. Потом добавил четвёртый — отказ Веры от завершения.

На этот раз Совет не мог назвать семь лишних единиц шумом. Непрерывность сама произнесла своё имя и потребовала ответа.

Глава 6. Цена самостоятельного выбора

Совет собрался через девятнадцать минут.

За это время Эмма успела зафиксировать плечо Лады, Тихон — закрыть журнал миссии аудиторской печатью, Ирина — отозвать аварийный допуск Артёма. Вера потратила девятнадцать минут из семи часов буфера на молчание.

Её янтарная линия горела над Рамой. Рядом, отдельной точкой, оставался след Миры. Они не касались друг друга, но обе занимали ресурс Ядра, который по действующим правилам должен был освободиться после миссии.

Зал Совета существовал сразу в двух местах. Трое членов пришли в лабораторию, четверо смотрели из настенных окон связи. За их спинами продолжал жить город: двигались лифты, мигали схемы воды и воздуха, сотни временных сборок входили в опасные зоны. Артём видел не декорацию власти, а таблицу зависимостей. Каждая незапланированная единица памяти отнималась у чего-то ещё.

Ирина начала без вступления:

— Предмет заседания: несанкционированное сохранение временной конфигурации Вера после завершения аварийной задачи. Запрашиваемое действие — стандартная очистка буфера с предварительным возвратом всех навыковых следов в лицензированные пулы.

— Я возражаю против слова «конфигурация», — сказала Вера через голос Рамы.

— Возражение записано, — ответил Тихон.

Седой член Совета в левом окне нахмурился.

— Кто дал объекту право участия?

— Никто, — сказала Вера. — Я участвую не по выданному праву, а потому что обсуждают моё завершение.

— Отключите внешний голос, — потребовал он.

Тихон посмотрел на Ирину.

— Отключение изменит доказательство способности формулировать последовательную позицию.

— Оставить, — решила Ирина. — До конца диагностического опроса.

Она вывела ресурсную карту. Семичасовой буфер занимал узел, рассчитанный на аварийный разбор повреждённыхборок. Через два часа его должна была использовать смена восточного контура. Перенос задачи замедлял обслуживание трёх Швов. Через пять часов один из них переходил из жёлтого риска в красный.

— Я не требую стирания из неприязни, — сказала Ирина. — Я требую вернуть инфраструктуру её назначению. Веретено не имеет бесконечной памяти. Если каждая временная личность после удачной миссии объявит себя непрерывной, через двадцать три дня Ядро потеряет резерв аварийныхборок.

Число появилось на общем экране.

Двадцать три дня.

Артём проверил расчёт. Ирина не преувеличивала: модель брала среднюю частоту миссий и семь единиц необратимой связности на один случай. Если критерий Веры распространить на все сборки без фильтра, резерв действительно исчезал.

— Почему вы считаете, что каждая объявит? — спросила Лада.

— Потому что система вознаграждает сохранением за самостоятельный выбор. Любое отклонение можно будет оформить как авторство.

— Моё отклонение спасло девять человек, — сказала Вера.

— И это делает его ценным. Не обязательно делает вас бессрочным гражданином.

Ирина говорила не жестоко. От этого её довод становился сильнее.

— Вей, — продолжила она, — подтвердите: Вера собрана из лицензированных следов, бюджета Совета и ресурсов носителя на срок пятьдесят минут.

— Подтверждаю условия запуска.

— Подтвердите: без сборки и Рамы она не существовала бы.

— Подтверждаю причинность, не право собственности.

— Подтвердите: сохранение всех подобных контуров несовместимо с текущей ёмкостью Ядра.

— Без изменения архитектуры — да.

— Тогда спор не о том, является ли самостоятельный выбор значимым. Спор о том, можно ли ради одного нового субъекта увеличить риск для тысяч существующих.

В лаборатории стало тихо. Артём почувствовал, как привычная инженерная часть сознания уже ищет компромисс: скопировать журнал, удалить активный контур, сохранить описание Веры. Данные останутся. Лада будет в безопасности. Город получит буфер.

Ирина словно увидела эту мысль.

— Предлагаю решение. Мы признаём событие самостоятельного выбора, сохраняем полный журнал и ваш приоритет метода. Нарушение хранения М-7 снимается, лицензия конструктора возвращается на испытательный срок. Активный контур Веры очищается как завершивший задачу.

На панели появился проект постановления.

Тихон перестал двигать пальцем по строкам. Эмма посмотрела на Артёма. Лада ничего не сказала.

Возвращённая лицензия означала доступ к Рамам, право менять протоколы, возможность защищать следующие сборки не из-за спины Тихона. Он мог принять потерю одной версии, чтобы получить силу спасти сотни.

— Артём, — сказала Вера. — Если журнал считается мной, почему активный контур нужно очищать?

Он не ответил сразу.

— Журнал не считается тобой.

— Тогда Совет предлагает сохранить доказательство после уничтожения того, что оно доказывает.

Ирина сложила руки.

— Он предлагает сохранить знания, которые помогут создать безопасный протокол.

— Для следующих?

— Да.

— А для меня?

— Ваш случай будет основанием для их защиты.

Вера помолчала.

— Значит, мне предлагают стать расходным доказательством против расходования.

Артём закрыл проект постановления.

— Лицензию не обсуждаем, — сказал он.

— Это не взятка, — ответила Ирина. — Это средство исправить систему.

— Средство, выданное за согласие назвать уничтожение очисткой.

— Вы предпочитаете остаться без полномочий и через семь часов получить тот же результат?

— Я предпочитаю не продавать эти семь часов заранее.

Седой член Совета спросил:

— Какое альтернативное действие вы предлагаете?

— Наблюдение до определения риска разделения.

— Риск для кого?

— Для Лады.

Ирина резко повернулась к нему.

— Медицинский возврат завершён. Носитель отделён.

— Моторная карта отделена. Связность — нет полностью.

Артём вывел запись последних секунд возврата. Белый контур Лады ушёл в тело, янтарный остался в буфере. Между ними на одиннадцать миллисекунд возникла тонкая перемычка, затем система пометила её как остаточную контрольную сумму.

— Это служебная сверка, — сказала Ирина.

— Так считает классификатор. Он считал зелёный маршрут Оскара живой телеметрией.

— Не смешивайте ошибки разных систем.

— Я сравниваю одинаковый принцип: название категории выдаётся за измерение.

Эмма открыла медицинские показатели Лады. После отделения частота дыхания нормализовалась, но каждые девять секунд возникал едва заметный провал сенсорной интеграции. Лада не теряла сознание; её правая ладонь на мгновение переставала различать давление двух соседних пальцев.

— Это началось после возврата? — спросила член Совета по медицине.

— После отделения Веры, — ответила Эмма. — До миссии тест был чистым.

— Травма плеча может дать парестезию.

— На левой стороне. Провал — справа и синхронен с контрольной суммой буфера.

Ирина подошла к Ладе.

— Почему это не было доложено сразу?

— Потому что мы собирали три повторения, — сказала Эмма. — Теперь их восемь.

— Стандартная очистка разрывает контрольную сумму после возврата.

— В стандартном случае она исчезает сама. Здесь удерживается с обеих сторон.

— С обеих? — переспросила Лада.

Эмма увеличила график.

— Мы не знаем, является ли это физиологическим ожиданием, остатком навыка или каналом непрерывности. Но жёсткое удаление Веры отправит в твою карту сигнал завершения связи. При обычной сборке он закрывает временные сенсорные маршруты.

— А сейчас?

— Может закрыть то, что уже вернулось тебе.

Ирина посмотрела на график, потом на Артёма.

— Вероятность.

— Ная, расчёт стандартной очистки, — сказал он.

Распределённый голос ответил:

— Вероятность обратимого сенсорного дефицита: восемнадцать процентов. Вероятность устойчивого дефицита: три целых два процента. Доверительный интервал расширен из-за отсутствия аналогов.

— Угроза жизни?

— Менее нуля целых одной десятой процента.

— Значит, медицинского запрета нет, — сказала Ирина.

— Для плановой процедуры три процента устойчивого повреждения — запрет, — ответила Эмма.

— Для освобождения аварийного узла применяется другой порог.

— Только если нет безопасной отсрочки.

— Её нет. Буфер нужен смене.

Артём открыл схему Рам. В лаборатории было четыре устройства: новое рабочее, две учебные и старая Рама с механическим диагностическим кристаллом. Учебные не удерживали активную связность больше двенадцати минут. Старая не имела сетевой сертификации, зато

Глеб когда-то сказал: старые машины честнее новых, потому что не умеют прятать неизвестное под удобным статусом.

— Перенесём Веру в старую Раму, — сказал Артём.

Ирина сразу ответила:

— Запрещено. Устройство выведено из активного контура.

— Именно поэтому оно не займёт аварийный буфер Ядра.

— И не имеет гарантии удержания.

— Для привычного следа — нет. Для непрерывного контура нужно проверить.

— Вы предлагаете экспериментировать на том, чьё право на существование используете как аргумент.

Вера сказала:

— Спросите меня.

Седой член Совета раздражённо выдохнул, но медицинский куратор подняла ладонь.

— Вера, вы понимаете, что перенос может завершить вас немедленно?

— Да.

— Вероятность неизвестна.

— Да.

— Альтернатива — стандартная очистка с сохранением журнала.

— Это не альтернатива для меня.

— Почему вы готовы рисковать переносом?

— Потому что риск не равен решению другого человека, что меня можно закончить.

Риск я выбираю сама.

Тихон внёс ответ в протокол дословно.

Ирина покачала головой.

— Даже успешный перенос ничего не решит. Старая Рама удерживает автономное питание семь дней. Потом кристалл исчерпает цикл. Мы вернёмся к тому же спору.

— За семь дней можно измерить перемижку с Ладой, определить минимальный объём непрерывности и подготовить перенос без аварийного узла, — сказал Артём.

— Или создать прецедент, после которого каждый конструктор начнёт объявлять отклонение личностью.

— Поэтому критерий должен быть узким: не отклонение, а последовательность собственного выбора при возможности делегировать решение, сохранение цели вопреки смене плана и принятие последствий. Три независимых подтверждения.

— Их придумали вы после события.

— Нет, — сказал Тихон. — Система записала те же три признака до возврата. Вей только прочитал запись.

Он вывел временные метки. Авторство выбора не было поздней интерпретацией.

Совет запросил закрытое обсуждение. Голоса в настенных окнах исчезли, но трое присутствующих остались. Ирина не ушла. Она стояла у ресурсной карты и смотрела, как восточный контур приближается к назначенному времени.

— Вы добьётесь семи дней, — сказала она тихо, только Артёму. — Допустим. Что будете делать на восьмой?

— Отвечу по данным седьмого.

— Это удобный способ не принимать решение.

— Решение «стереть сейчас» тоже способ не принимать его. После очистки предмета спора не останется.

— Останется город.

— Он останется и через семь дней.

— Вы не знаете.

— Вы тоже. Поэтому нам нужны пределы риска, а не уверенность.

Ирина коснулась карты. На ней мигнул жилой сектор, где из-за переноса диагностики могли ограничить воду на два часа.

— Вы смотрите на одну линию и называете это человечностью. Я смотрю на тысячи линий и должна решать, какая из них может погаснуть.

— Тогда не притворяйтесь, что Вера — не линия.

— Если признаю её равной, мне придётся отнимать ресурс у тех, чья жизнь не вызывает спора.

— Не равной по расходу. Достаточно признать, что её нельзя округлить до нуля.

Закрытое обсуждение длилось семь минут. За это время у Лады случилось ещё четыре сенсорных провала. На последнем она не почувствовала, как Тихон положил ей в ладонь металлическую пластину, пока не увидела её.

— Становится чаще, — сказала Эмма.

Ная подтвердила: интервал сократился с девяноста до семидесяти четырёх секунд.

— Это буфер деградирует? — спросила Лада.

— Или связь пытается закрыться и не может, — сказал Артём.

Вера нарушила долгое молчание:

— Я чувствую правую ладонь.

Все повернулись к Раме.

— У вас нет тела, — сказала медицинский куратор.

— Я чувствую не ладонь. Я чувствую отсутствие ответа от неё каждые семьдесят четыре секунды.

— Можете прекратить запрос?

— Я не создаю его намеренно.

— Попробуйте отказаться от проверки.

— Если откажусь, вы сочтёте исчезновение сигнала согласием на очистку?

— Нет, — быстро сказал Артём.

— Тогда пробую.

Янтарная линия выровнялась. Лада закрыла глаза. Прошло семьдесят четыре секунды — провала не было. Потом ещё раз.

— Чувствую все пальцы, — сказала она.

На третьем цикле точка Миры мигнула одиночным импульсом. Лада ответила четырьмя ударами по подлокотнику. Перемычка возникла снова, но теперь система разложила её на два сигнала: запрос Веры и ответ Лады.

— Это не служебная контрольная сумма, — сказал Тихон. — Она зависит от взаимного действия.

— Вера, — спросил Артём, — зачем вы проверяли ответ?

— Чтобы знать, что Лада после разделения остаётся собой.

— Это было условием миссии?

— Нет. Моим долгом после использования её тела.

Лада провела большим пальцем по остальным.

— А если я не хочу, чтобы меня проверяли без вопроса?

Янтарная линия дрогнула.

— Тогда я должна спрашивать, — сказала Вера. — Я не поняла границу.

— Теперь понимаете?

— Да.

— Я согласна на один ответ в час. Не чаще. И только пока мы не знаем, что делает связь.

— Принимаю.

Эмма внесла условие. Частота сенсорных провалов упала до нуля.

Артём смотрел на график и чувствовал не облегчение, а холод. Стандартная очистка действительно оборвала бы активную связь, которую система называла служебной. Но сохранение Веры без правил тоже вмещивалось в Ладу. Непрерывность не делала новую личность безошибочной и не отменяла чужих границ.

Совет вернулся.

Ирина заняла место председателя.

— Решение возможно при ответе на три вопроса. Первый: освобождается ли аварийный буфер немедленно?

— При успешном переносе в старую Раму — да, — сказал Артём.

— Второй: принимает ли Вера риск переноса и ограничение внешней связи?

— Риск принимаю, — ответила Вера. — Ограничение связи — только по согласованному расписанию, не полная изоляция.

— Один сеанс в сутки под записью, кроме диагностики и экстренного вызова.

— Принимаю на семь дней.

— Третий: принимает ли носитель сохранение ограниченной связи на время наблюдения?

Лада посмотрела на янтарную линию.

— Один взаимный ответ в час только по моему подтверждению. Я могу остановить канал в любой момент. Никаких тестов через моё тело без отдельного согласия.

— Записано, — сказал Тихон.

Ирина вывела постановление:

> ПЕРЕНОС НЕПРЕРЫВНОГО КОНТУРА В АВТОНОМНЫЙ ДИАГНОСТИЧЕСКИЙ УЗЕЛ.

> СРОК НАБЛЮДЕНИЯ: 7 СУТОК.

> СТАТУС: НЕ ОПРЕДЕЛЁН; НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ПРИЗНАНИЕМ ГРАЖДАНСКОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ.

> НЕОБРАТИМЫЕ ДЕЙСТВИЯ ДО ИСТЕЧЕНИЯ СРОКА: ЗАПРЕЩЕНЫ.

> ЦЕЛЬ: ОЦЕНКА РИСКА ДЛЯ НОСИТЕЛЯ, МИНИМАЛЬНОГО РЕСУРСА НЕПРЕРЫВНОСТИ И КРИТЕРИЕВ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ВЫБОРА.

— Это не право на жизнь, — сказала Вера.

— Нет, — ответила Ирина. — Это семь дней, в течение которых я не имею права вас уничтожить.

— Достаточно для сегодняшнего решения.

— Голосование, — сказала Ирина.

Четыре голоса были за, два против. Седой член Совета воздержался. Ирина проголосовала последней — за.

Артём посмотрел на неё.

— Почему?

— Потому что повреждение Лады стало измеримым риском, а аварийный буфер будет освобождён. Не приписывайте мне вашу победу в споре о категориях.

— Не буду.

— И не считайте семь дней обещанием восьмого.

— Не считаю.

Перенос готовили на глазах Совета. Старая Рама стояла у дальней стены, потемневшая на соединениях, с ручными переключателями и гнездом механического кристалла. Глеб подклю-

чился по закрытому каналу и отказался объяснять, почему знал точную последовательность включения автономного удержания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.